

Инок Парфений (Агеев)

АВТОБИОГРАФИЯ

«Индрик» 2009

Парфений (Агеев) Автобиография

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10525482

Автобиография монаха Парфения (бывшего в Молдавии раскольника, затем постриженника русского Пантелеимонова монастыря на Афоне): Индрик; Москва; 2009

ISBN 978-5-91674-021-9

Аннотация

«Автобиография» постриженника Святой Горы Афонской инок Парфения (Агеева) в полном своем объеме издается впервые и является дополнением и продолжением его знаменитого «Сказания о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле». Написанная значительно позднее «Сказания», она содержит уникальные сведения о семье и детских годах автора, а также о сибирском периоде жизни отца Парфения в 1847–1854 гг. Текст печатается в соответствии с правилами современной орфографии, с сохранением особенностей стиля и языка автора.

На обложке воспроизведен вид Старокафедрального Благовещенского собора на Старособорной площади города Томска с открытки начала XX века.

Содержание

Введение	5
Автобиография монаха Парфения бывшего в Молдавии раскольника, затем постриженника русского Пантелеимонова монастыря на Афоне	8
Конец ознакомительного фрагмента.	60

**Автобиография монаха Парфения
(бывшего в Молдавии раскольника,
затем постриженника русского
Пантелеимонова монастыря на Афоне)**

© Игумен Евмений (Лагутин), 2009

© Александр Панин, 2009

© Издательство «Индрик», 2009

* * *

Введение

Для людей, живущих в настоящее время, характерна двойственная позиция в отношении их к истории прошедшей дореволюционной эпохи нашего государства. С одной стороны, есть довольно жесткая историческая картина, преподанная нам школой советского «реализма» и вызывающая чувство неудовлетворенности, а в большей степени сомнительности ее взглядов и интерпретаций исторических фактов. Особенно обостряются эти чувства при внезапном вскрытии многих искусственно замалчиваемых десятилетиями фактов жизни наших соотечественников того времени.

С другой стороны, в последнее время активно формируется новый, так сказать, уточненный и дополненный исторический взгляд, который в силу многих вновь открывающихся реалий того времени, в корне изменяет историческую картину жизни людей в дореволюционной России. Перед нами все больше открывается еще не известная нам православная страна с до боли родными, забытыми, но желанными контурами жизни, в основе которой лежали столетиями насаждаемые христианские мораль и нравственность.

Люди, приступающие к таким документам или не известному широким массам историческому литературному наследию, подобны золотоискателям, обнаружившим золотоносную жилу большей или меньшей мощности.

Именно такое сравнение с золотоносной жилой возникает при знакомстве с литературным наследию о. Парфения (Агеева). Чувство радости наполняет православную душу от возможности соприкоснуться и увидеть умным взором собранные и талантливо описанные им в подвижнических паломнических странствиях по Святой Руси и святым местам за границей. Это можно сравнить с творением преподобного Иоанна Мосха «Луг духовный», только приложимым к российской дореволюционной действительности.

По общему признанию, христианская жизнь нынешнего поколения верующих поверхностна и немощна, и этим, естественно, накладывает определенные ограничения на глубину нашего православного мировоззрения.

Тем более ценным являются произведения о. Парфения, позволяющие в доступной всем форме увидеть всю палитру православной жизни ушедшего столетия. Его описания личных контактов и бесед с известными старцами, монастырским укладом многих обителей, святынь и притекающих к ним паломников укрепляет наши немощствующие души реальными историческими примерами.

Такие произведения хранили в обителях или домашних библиотеках с великим тщанием. С ними обращались крайне трепетно, переписывали их слово в слово. Конечно главным является внутреннее содержание, которое и может быть и не сразу открывало свой смысл. Но это было и общение с автором книги, и все критические статьи произведений всегда касались не только их содержания, но и затрагивали их сочинителей. Во всех критических статьях, вышедших по поводу самого главного паломнического труда отца Парфения в 1855–1860 годах, присутствовал сам автор. И все без исключения признавали ту великую пользу, которую он принес в мир своей книгой.

Не требующей добавлений оценкой книги являются отзывы современников, вошедших в мировую историю культуры человечества. Позволю себе процитировать лишь некоторых из них. М. П. Погодин почитал ее *«украшением русской словесности, не говоря о великой ее многогранной пользе»*, М. Е. Салтыков-Щедрин отметил *«...решение автора принимает действительно все размеры подвига, исполнение которого под силу только избранным личностям»*, а И. С. Тургенев замечал *«...это великая книга, о которой можно и должно написать хорошую статью... Парфений – великий русский художник и русская душа»*. А. В. Дружнин отметил о «Сказании...», – *«Или я жестоко ошибаюсь, или на Руси мы еще не видали*

такого высокого таланта со времен Гоголя. Таких книг, между прочим, читать нельзя...», а лучше всех других высказался А. А. Григорьев: «Вся серьезно читающая Русь, от мала до велика – прочла ее, эту гениально – талантливую и вместе простую книгу – немало, может быть, нравственных переворотов, но уж во всяком случае, немало нравственных потрясений совершила она, эта простая, беспритязательная, вовсе ни на что не бывшая исповедь глубокой внутренней жизни».

И вот новая находка! С помощью братии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры нами была обнаружена новая золотиносная жила. Мы знали, что старец Парфений на протяжении своей жизни вел записи своих странствий, эти записи он впоследствии показывал Преосвященному Афанасию епископу Томскому, дававшему свое святительское благословение на написание «Сказаний...», посылал он их и Преосвященному Филарету митрополиту Московскому и Коломенскому. В архиве Свято-Троицкой Сергиевой Лавры хранится документ под названием: «Автобиография монаха Парфения (бывшего в Молдавии раскольника, затем постриженника русского Пантелеимонова монастыря на Афоне)». Документ, вернее сказать рассказ старца Парфения о жизни своей, начинается с его детства и заканчивается периодом, когда он покидает город Томск и направляется в город Москву. Автобиография начинается словами самого отца Парфения: «Любезнейшие мне и ближайшие сердцу братия и друзья мои и по духу чада два Григория...». Она адресована двум конкретным людям, которых отец Парфений любит и хорошо знает, отвечая в письмах, где они настоятельно просят рассказать старца о себе и его жизненном странствовании. Небезынтересно заметить, что впоследствии, когда отец Парфений стал настоятелем Николаевской Берлюковской пустыни, то оба эти Григория стали ее насельниками, прибыв из Киево-Печерской Успенской Лавры, где полагали они начало иноческой жизни. Стали они и монахами по молитвам своего любезнейшего старца Парфения.

Автобиография написана в виде письма, где отец Парфений настоятельно просит до конца его жизни никому не раскрывать и не рассказывать всего, что он им доверил, а уже после отшествия его, как они сами хотят. Написано все это повествование в живой и доступной для читателя форме. Заканчивается автобиография числом 26 июня 1854 года и словами старца: «О встрече Преосвященного Парфения, Епископа Томского и Енисейского, уже помещу в следующей 6#й части, в которой будет описано и все последующее мое странствие, а здесь довольно сего. Конец пятой части. Богу нашему слава». В журнале «Душеполезное чтение» за 1898 год в предисловии к статье – «Из автобиографии игумена Парфения» архимандрит Никон (Рождественский; впоследствии архиепископ) пишет: «Двадцать лет тому назад в Троицкой Сергиевой Лавре скончался живший на покое старец, бывший игуменом Гуслицкого монастыря, о. Парфений... Покойный о. игумен оставил после себя неизданный пятый том «Сказаний» о странствованиях своих, заключающий в себе его собственную автобиографию».

Осознавая важность автобиографии для научных целей и для простого православного человека, на примере которой можно учиться жить по вере, духовный совет Николо-Берлюковского монастыря принял решение о публикации этого труда старца.

Схиигумен Парфений (Агеев) был величайшим тружеником на благо Церкви Христовой. В своей «Автобиографии» он пишет: «...только прошу Господа моего да даст мне здравие и помощь послужить в пользу Святой Его церкви и во спасение ближнего, ибо я теперь вполне предал себя Божией воле и в Его полное распоряжение; и буди Его святая воля пусть какими Он хочет путями, теми и проводит, а мое одно дело безпрекословно повиноваться Его распоряжению, и только просить Его помощи и милости; ибо с Ним, Создателем, повсюду хорошо и спасительно». А вот слова, сказанные им о жизни своей: «Посмотрите на мою жизнь, это самая истинная картина, в которой весь указан промысл Божий. Это колесо премудрости и благости Божией, ибо как Он мой Творец, мною управляет, то воз-

водит в высоту, то обращает ниже всех, то проводит скорбными путями, то паки утешает, то удаляет в пустыню, то паки изводит во грады и даже в столицы; то вменяет вместе с разбойниками, то паки посаждает с князьями, то посылает с Востока на Запад, то с Севера на Юг, то с Юга на Север, то доводит до последней нищеты, и даже в нищете последним; то паки награждает богатством. Повсюду вижу ясно Его, Царя небесного, отеческое милосердие... ибо когда говорю о Боге, или размышляю Его величество, то все земное забываю, и даже иногда и сам себя». Как полезно нам грешным и немощным читать рассуждения отца Парфения (Агеева) и учиться на его примере несению жизненного креста, любви к Богу и Его заповедям. Вся автобиография – это материал для изучения жизни схиигумена Парфения, и пусть она написана до начала его трудов на Московской земле, это ценный в историческом и духовном плане документ. В нем можно найти много биографического материала, описаний монастырей, старцев, святителей и подвижников веры Христовой. Много интересного и нового узнает читатель о жизни и раннем детстве отца Парфения: «...семейство наше было как Духовная Академия и училище благочестия, ибо ничего больше никогда не услышишь, – или читают книги, или кто что-нибудь душеполезное рассказывает, или поют духовные песни, ибо в доме нашем никогда не держали никакого хмельного питья и даже не ели хлеба, который печен на хмельных дрожжах... Еще я имел необыкновенную страсть проповедовать величие и славу Божию, ибо только что-нибудь услышу новое, или какое чудо или житие в четь минеях, то утром отправляюсь по всем сродникам это рассказывать...». И несмотря на то, что возрастал отрок Петр в старообрядческой семье, в сердце он уже тогда имел сильное внутреннее тяготение к Православной Церкви: «Но хотя юное мое сердце и отвлечено было от православной церкви, но внутреннее желание моего сердца любило ее, ибо никогда я мимо ее не проходил, чтобы не зашел и не положил в ней 3#х поклонов, хотя родители и запрещали ходить в нее, но я на это не смотрел, хотя за это принимал иногда брань, а иногда и побои, но я как увижу церковь, то сердце мое и закипит, а наипаче ежели монастырь».

Эту книгу мы так и решили назвать «Автобиография монаха Парфения (бывшего в Молдавии раскольника, затем постриженника русского Пантелеимонова монастыря на Афоне)», добавив лишь к ней в приложении статьи, в которых отражены все последние данные, обнаруженные нами в библиотеках, музеях, частных коллекциях и хранилищах. Книга снабжена иллюстрациями тех мест где странствовал отец Парфений, паломничал и проживал, и с кем при жизни свой встречался.

В 2009 году в мае месяце по бла гословению Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященного Ювеналия, митрополита Крутицкого и Коломенского, состоятся первые Парфениевские чтения в Паломническом центре Московского Патриархата. Надеюсь, что эта книга поможет глубже изучить жизнь и труды на благо Церкви Христовой отца Парфения (Агеева), а также заинтересует всех, кому не безразлична история православия, паломничеств и всего увиденного и пережитого талантливым духовным писателем XIX века.

Настоятель Николо-Берлюковского монастыря игумен ЕВМЕНИЙ (Лагутин)

Автобиография монаха Парфения бывшего в Молдавии раскольника, затем постриженника русского Пантелеимонова монастыря на Афоне

Христос посреде нас!

1. Любезнейшие мне и ближайшие моему сердцу братия и друзья мои, и по духу чада два Григория¹; благодать Господа Иисуса и благословения Святой Горы Афонской и мое да будет с вами навсегда.

Любезный брат Григорий Павлович², письмо твое, от 13 сентября получил, за которое и благодарю; но многие твои запросы отягощают меня ответами, ибо ты знаешь, что послушание мое тяжкое и препоручения мне великие, даже очень мало порожнего времени; но только прошу Господа моего: да даст мне здравие и помощь послужить в пользу Святой Его Церкви и во спасение ближнего, ибо я теперь вполне предал себя Божьей воле и в Его полное распоряжение; и буди Его святая воля, пусть, какими он хочет путями, теми и проводит, а мое одно дело – беспрекословно повиноваться Его распоряжению, и только просить Его помощи и милости; ибо с Ним, Создателем, повсюду хорошо и спасительно; ибо очень весело и радостно идти во след Его, Царя Небесного, хотя узка и скользка дорога, но зато хорош предводитель, ибо помню я слова заиорданского митрополита Мелетия, называемого Св. Петром, а мне отца духовного, ибо он сказал, хотя просто, но ясно; когда я очень скорбел в Иерусалиме и не хотелось мне ехать в Россию, я желал окончить жизнь свою во Святой Горе Афонской, и даже казалось невозможным исполнить послушание старца моего, то он на это сказал: «Адаму ведь лучше было в раю, нежели тебе в Афоне; ибо тамо не было ни людей, ни врагов, ни диавола, но когда преслушал Божию заповедь, то оттуда выгнан был, а в Афоне все есть: люди и враги, и диавол, то тамо без Божией помощи можно во все грехи впасть и погибнуть, а с Богом и в самой Москве спасешься. То я тебе советую идти туда, куда послал тебя старец»; вот и сбылись его слова: я живу в Москве и прохожу трудное поприще, предназначенное мне от Господа Бога, хотя и беспрестанное имею сердечное стремление во внутреннюю пустыню, или хоть в общежительный монастырь; но, впрочем, препоручая себя воле Божией во всем, как ему угодно, тако да будет, а не так, как я желаю; ибо кто на Бога положится, тот никогда не ошибется. Посмотрите на мою жизнь: это самая истинная картина, в которой весь указан промысл Божий. Это колесо премудрости и благодати Божией, ибо как Он, мой Творец, мною управляет, то возводит в высоту, то обращает ниже всех, то проводит скорбными путями, то паки утешает, то удаляет в пустыню, то паки изводит во грады и даже в столицы; то вменяет вместе с разбойниками, то паки посаждает с князьями, то посылает с востока на запад, то паки с запада на восток, то с севера на юг, то с юга на север, то доводит до последней нищеты, и даже в нищете последним; то паки награждает богатством. Повсюду вижу Его, Царя Небесного, отеческое милосердие, и Его Божественную и неисследимую премудрость, и неизреченную благодать к роду человеческому; ибо то меня предает под руководство совершенным великим старцам и наставникам, то паки проводит жизнь мою среди мира и соблазнов между самыми беззаконниками; то с самими невеждами, то в кругу самых ученых; то с простыми поселянами, то с великими иерархами: все это я вижу и рассматриваю, и с ужасом размышляю, и со трепетом рассуждаю, и с пророком из глубины души восклицаю: «О! велий еси Ты, Господи! И дивны дела Твои, и неиспытанны судьбы Твои, и неизглаголанна Твоя премудрость, и человеколюбие – неисследо-

¹ Слова «два Григория» замазаны чернилами.

² Слова «Григорий Павлович» замазаны чернилами.

ванная пучина! Смотришь – сколько велико Его божество, что Ангелы не смеют на Него взирать и Херувимы и Серафимы трепещут от Его славы; сколько Он имеет творения, миллион миллионов у Него бесплотных слуг, тысячи тысяч, и тьмы тем только предстоят Его престолу; и неисчетные миллионы Он имеет миров, и на каждом неисчетные миллионы Его творений, но во всех и всеми управляет Его божественная воля, и даже власы главные все изочтены. О, кто Бог велий, яко Бог наш, Ты еси Бог – творяй чудеса.

Простите меня, что я так далеко и долго увлекся этою беседой, ибо говорить о Боге и о Его великой премудрости и человеколюбии от сладости не имею сытости, ибо когда говорю о Боге или размышляю Его величество, то все земное забываю, и даже иногда и сам себя. О, Сладчайший Иисусе, души моей утешение!

Да еще, что я дал вам предуведомление, дабы вы знали, что каждым человеком и его бытием и делами управляет сам Бог, только ежели человек не последует своей воле и своему собственному плотскому стремлению, но завсегда прибегает к Богу и просит Его милости и помощи, потому Он сказал, что без Мене ничего не можете творити.

Ибо для того я говорю, что вы уже много лет беспокоите меня письмами и вынуждаете меня, чтобы я открыл вам, хотя отчасти, путь и поприще жизни моей от самой юности моей; но я уже несколько раз вам в том отказывал, но вы все-таки не оставили меня в спокойствии; но я, любя вас сердечно, хотя и бесполезно мне, а может быть, еще и вредно, скажу вам несколько слов о моем странствии по житейскому пути, потому что сказано: «Просящему у тебя дай», – но скажу только с тем, что покуда я еще буду продолжать этот путь, то отнюдь никому этого не говорите и держите в тайне только двое вы, а когда окончу свой путь, тогда как знаете.

2. О месте рождения я говорить не буду, но только скажу, что я назначен Богом во служение Ему, Создателю, прежде еще моего существования, в утробе матерней; ибо родитель мой также имел желание в самой юности оставить мир и удалиться в пустыню, потому что он был сирота, после матери остался четырех лет, а после отца – шести; но Богом было позволено ему вступить в брак и проходить трудное и скорбное поприще в мире, в супружеской жизни, и что он будет иметь трех сыновей, один будет еще в пеленах взят к Богу, а прочие дети будут умнее тебя, одного возьму Себе во служение, который³ будет полезен и для общества, а третий успокоит тебя⁴.

3. Вот поэтому он 18#ти лет и вступил в брак и взял себе супругу, вместе наставницу и учительницу всем добродетелям, и звал ее матерью, ибо воистину она была мать всем бедным и нищим и пристанище всем инокам и инокиням, и всем странствующим покров; и все называли ее матерью. От таковых-то я был родителей рожден.

4. Первого они родили сына Стефана, который шести месяцев помер. Второго родили меня, и я, с юности оставивши мир, сколько могу, служу Богу и ближним⁵, а третий остался жить в мире и 35#ти лет помер⁶; я о младенчестве ничего не могу сказать, но только стал понимать кое-что и даже уже помню: все называли⁷ меня попом и никак меня не звали кроме этого имени, потому что я никакими детскими играми и шалостями, обычными детям, не занимался, но все игры мои были и забавы – или Богу молиться, или пещеры копать,

³ Слово надписано сверху другим почерком; перед ним зачеркнуто «а один».

⁴ Слова «а третий успокоит тебя» приписаны другим почерком.

⁵ Слова «и ближним» приписаны другим почерком.

⁶ Слова «и 35 лет помер» приписаны другим почерком.

⁷ Буква «ы» надписана другим почерком.

или церкви делать и что-нибудь божественное петь, или между стариками сидеть и слушать их разные исторические разговоры и повести; а когда родитель читал, а я сидел и слушал, и расспрашивал, и даже иногда до раздражения родителей своими расспросами и любопытствами; еще у меня были две бабушки, одна прабабушка 115[#]ти лет и имела память необыкновенную, и любила мне рассказывать разные повести, потому что я любил их слушать, и когда она у нас бывала, тогда я никуда не пойду, целые сутки просижу подле нее и все приножжаю что-нибудь рассказать: повести, хотя и простые, но все душеполезные, все направлены ко спасению души и к любви Богу и к пустынной жизни; но и семейство наше было как Духовная академия и училище благочестия, ибо ничего больше никогда не услышишь – или читают книги, или кто что-нибудь душеполезное рассказывает, или поют духовные песни, ибо в доме нашем никогда не держали никакого хмельного питья и даже не ели хлеба, который печен на хмельных дрожжах; хотя по состоянию имели три самовара, но и то держали для гостей; а из семейства пил чай только один родитель – ему это по торговле было необходимо; но и я покуда был в объятиях родительницы, до десяти лет чаю не пил и даже не хотел никогда и пить; но после мир заставил пить.

5. Еще я имел необыкновенную страсть проповедовать величие и славу Божию, ибо только что-нибудь услышу новое, или какое чудо или житие в Четрых Минеях, то утром отправляюсь по всем сродникам и знакомым это рассказывать; ибо память у меня была острая, и поэтому прозвали уже меня попом-проповедником и часто на улицах меня останавливали, ибо знали: когда я иду, то что-нибудь несу новое, и расспрашивали; и где только я останавлиюсь, уже около меня толпа народу!

6. Но хотя юное мое сердце и отвлечено было от Православной Церкви, но внутреннее желание моего сердца любило ее, ибо никогда я мимо нее не проходил, чтобы не зашел и не положил в ней трех поклонов, хотя родители и запрещали ходить в нее, но я на это не смотрел; хотя за это иногда принимал брань, а иногда и побои, но я как увижу церковь, то сердце мое и закипит, а наипаче, ежели монастырь.

7. До шести лет не учили меня грамоте, хотя я и просился и плакал; и на шестом году родитель купил азбуку и принес с базара, и я принял как неоцененный дар и ходил с ней по всем родным, ее показывал. Потом сам родитель начал меня учить и, доучивши до половины псалма «Помилуй мя, Боже», по том отправился по своим торговым делам на все лето, а мне приказал ежедневно читать зады, а матери приказал заставлять меня; и я, читавши зады несколько раз, изучил на память, и они мне наскучили; и я пошел вперед сам и в скором времени выучил азбуку; но мать ежедневно заставляла читать зады, то я сам взявши псалтирь и начал учить прежде по складам, а потом просто, и вытвердил три первые кафизмы. Потом приехал отец и спросил мать мою, что читал ли Петя зады. Она сказала, что то ежедневно читал; потом спрашивает меня, что, Петя, не забыл ты задов? Ну-ка, прочитай их. Я ему ответил: «Что мне читать зады, я уже и всю азбуку на память знаю, а я вот буду читать эту книгу, ту побольше» (показал ему на псалтирь). Он мне прежде не верил, потом велел читать; я же как начал читать, он, удивившись, сказал: «Ты уже читаешь лучше меня», – потом разогнул, где я еще не учил; но я и там начал читать, хотя и не так скоро. Потом он взял книгу Иоанна Златоуста и, разогнувши, велел мне читать, я начал и это читать; он же, удивившись и возрадовавшись, сказал: «Довольно для нас, нам не в попы, я хотел было отдать учителю, а теперь нечего и деньги тратить, теперь только надобно немного поучиться писать»; и потом купил прописную азбуку и показал мне, и так же, хотя как-нибудь, стал писать; вот и кончил я курс наук, вот и все мои учителя.

8. Когда я начал читать книги, то возымел неограниченное стремление и любовь к чтению, которая еще и доныне при мне; уже до десяти лет моего возраста я прочитал все Четьи Миней, Прологи, Ефрема Сирина, аввы Дорофея, священноинока Дорофея, Златоуста, Маргарит, беседы: Василия Великого и Кирилову, и о вере, и прочих множество, потом нетерпимо мне захотелось увидеть Библию – Ветхий и Новый Завет, Евангелие и Апостол, но как Библии старообрядческой печати нет, то они об ней и мало понятия имеют, даже почти и не читают, потому что там напечатано «Иисус» и счет листам вверх – это для раскольников великие ереси, – и начали меня уговаривать, чтобы не только я их не читал, но даже удерживали, чтобы я и не видал Библии; а меня все еще больше завлекло в любопытство: что такое за Библия. Они мне говорили, что эта книга глубокая и вся в притчах и по ней можно уклониться в жидовство или сойти с ума, что и много от этого пострадали, но я ни на какие их доказательства и препятствия не посмотрел, и, узнавши у кого есть Библия, выпросил почитать и принес домой. Родители, увидевши такую великую книгу, испугались и заплакали, что я ей зачитаюсь: когда большие, в полном уме зачитываются, а я еще был по десятому году.

9. Но я, взявши у них благословение, начал читать, и читать со вниманием, и с Божией помощью начал я различать в ней: что писано исторически, что нравоучительно, что до закона касательно, что пророчественно; и я в ней увидел все Божие домостроительство – чудеса Его и премудрость, благодать, человеколюбие Его и правосудие; и прочитал я ее несколько раз, и всю ее мог почти наизусть рассказывать, разбирать и толковать – и все люди говорили, что я зачитаюсь и с ума сойду; но я, напротив, научился в ней премудрости.

Когда же добрался до Нового Завета, до благодати, то еще более меня повлекло к исследованию. Также я начал его читать – Святое Евангелие; по большей части в нем слова самого Господа нашего Иисуса Христа, Богочеловека, и начал Его разбирать слова по статьям и по зачалам, ибо все Его слова показались мне наполненными неизреченною Божественною премудростию и все имеющими одну цель, для спасения человеческого, для чего Он по благодати своей прикрыл Свое божество плотию человеческою и пожил на земли со человеки, – дабы спасти род человеческий; и увидел, что ни одного слова он не сказал просто и случайно, но все они имели какую-либо цель для спасения нашего; в одном месте Он говорил от истории древней и приводил примеры, в другом Он открывал и объяснял пророчество, а в ином Он обличал непокорных иудеев; в одном Он дает духовно-нравственные поучения, а в другом творит Он чудеса и тем открывает Свое Божество и Божественную силу Свою; одни добродетели велит исполнять повелительно, а на другие только дает совет; в одном обличает богатых, а в другом ублажает нищету; в одном пророчественно предсказывает, а в другом преподает новоблагодатный закон и устрояет новоблагодатную Свою Церковь, и основывает ее на непоколебимом основании, на твердом камени, и что будет стоять на земле новоблагодатная Церковь до скончания века, и врата адавого одолеть ее не могут, и Сам обещался с нею быть до скончания века, и установил в ней таинства, которыми должны руководствоваться ее чада, и что кроме этих таинств спастись никто не может! И поставил в Церкви своей освященный чин, для совершения святых церковных таинств, и освятил на сие своих учеников-апостолов, и исполнил их Духа Святого, и препоручил им ключи от Царствия Небесного; дал им великое преимущество в лице Себя, слушаяй вас, мене слушает, а отменяяй вас, Мене отменяется, отменяяй же Мене, отменяется и посланного Мя; и обещался с ними быть до скончания века.

10. И еще я, убедившись в истинности слов Евангельских, как слов самого Господа нашего Иисуса Христа, Который сказал о словах Своих тако, что небо и земля мимо идут, но слова Мои не мимо идут – сиречь, как бы сказал, что каждое мое слово закон непреложный, ибо как сказал: «Да будет свет» – и бысть, и проч. И еще сказал, что и на Страшном

суде Аз судить никого не буду. Но Евангельское слово Мое то осудит каждого, которые его не исполнили на деле или не послушали! И вот все эти евангельские слова пали на мое юное сердце, как на добрую землю, и остались они навсегда на моем сердце и до сего времени.

11. Ибо ясно я увидел, что кроме Христовой Святой Соборной Церкви и ее таинств, спастись невозможно, и что истинная Святая Христова Церковь должна быть та, в которой вполне совершаются и употребляются семь святых церковных таинств, совершаемых полным священным чином, полученным чрез рукоположение от Самого Спасителя, Господа Иисуса Христа, и преподаваемым друг другу; и вот с самых юных лет был я великим ревнителем и защитником Святой Христовой Церкви и ее таинств и священного чина в трех степенях, т. е. епископа, священника и диакона. С самых юных лет начал я разрушать и искоренять все разные секты раскольнические, толки и раздоры, не имеющих Церкви и священства, и церковных таинств, во-первых, соединил воедино все свое семейство, которое было все разбито диаволом на разные секты; хотя и не к самой Истинной Христовой Церкви, но все по крайней мере ко священству и к Церкви; сам хотя и ревновал по Истинной Христовой Церкви, но в ней еще не находился, хотя и близко нее был; только бы один шаг – и в Церкви; но все оставался в заблуждении, хотя и в Церкви, но в безглавой, не имеющей главы одушевленного Христова образа епископа, чрез которого истекает источник благодати Святого Духа, без которого т. е., без епископа, не может быть ни Церковь, ни священник, ни диакон, ни святое миро; и ни единое таинство без его благословения совершиться не может, ниже может быть христианин.

Хотя и видел я в своей Церкви, в которой находился, все эти недостатки, но юным своим умом не мог этого всего исследовать и рассудить; но оставался при ней еще 20 лет до совершенного возраста – до 30 лет. Но это все, как я после узнал, Господь со мной делал все по премудрым Своим и неисследимым судьбам, в пользу Своей Святой Церкви, дабы я уже не младенческим умом все это исследовал, но совершенным, в мужеском возрасте, и еще нужно было мне побывать во всех гнездах раскольнических и постранствовать много по свету, и потерпеть много скорбей, и положить много трудов, дабы выпутаться из заблуждения.

12. Но возвращаюсь опять к юности моей, и когда полагал я, что уже нахожусь в истинной Церкви, и размышлял себе, что же мне еще нужно исполнить, дабы быть истинным учеником христовым; и по смерти наследовать вечное блаженство; ибо зная, что одна вера во Христа без добрых дел спасти не может; и еще стал понимать, что я человек, принадлежащий тлению, то рано или поздно, должен помереть, как и прочие умирают, которых я уже вижу ежедневно выносимых на кладбище, и мне необходимо туда же последовать и дать отчет в делах своих, да еще часто это же слышал⁸ от родителей своих, которые ежедневно оплакивают жизнь свою, во грехах проведенную; и даже начал о том и скорбеть, что как я могу спастись; и в одно время читавши Евангелие на то самое зачало, где писано, что кто хочет совершен быть, тот должен раздать все свое имение и оставить весь мир, дом и родителей и идти во след Христа, и возлюбить Его, Создателя своего, от всей души своей и от всего сердца своего, и от всего помышления своего, и нести во всю жизнь свою крест свой, т. е. странствовать, страдать и терпеть скорби ради любви Его.

Прочитавши еще: аще кто хочет быть мой ученик, той должен оставить дом родителей и всех сродников, имение и все яже в мире, идти во след за Мной, той и достоин будет быть учеником Христовым; и поэтому я рассмотрел, что очень трудно спастись посреде мира и соблазнов; да еще родители беспрестанно мне то же внушали. И вот с того времени воспало мое юное сердце любовью ко Господу Богу и вознамерился бесприменно быть учени-

⁸ Слово надписано сверху другим почерком.

ком Христа Спасителя и оставить родителей и весь мир и идти куда-нибудь: или в пустыню, или в монастырь работать Господу Богу, – и не стало ничего мне милого на свете, и от всего мирского и веселого удалялся только и помышлял: как бы исполнить свое желание и намерение, только уже у меня и было разговоров, что про иноческую жизнь, про монастыри и про пустыни; но родители мои только надо мной глумились, а на деле исполнить своего желания и думать мне не велели, хотя и любили сами иноческую жизнь; но готовились меня сделать наследником имения своего; да еще полагали, что я это все говорю по глупости юного разума, но, зная трудность иноческой жизни и естественную слабость плоти, не надеялись, чтобы навсегда осталось во мне это стремление и желание; но от богоугодных занятий меня не удерживали; но только радовались и поощряли и⁹ оставили меня в таком спокойствии до десятилетнего моего возраста. Вот были мои золотые дни, покуда я находился в объятиях своей родительницы, как птенец под крылышками своей матери; она не давала в меня вселиться¹⁰ никакому пороку душевному и готовила меня ко иноческой жизни, и¹¹ учила меня не только словами, сколько делами добродетелей и любви к ближним; она не довольна была тем, что делала на яви: ежедневно сотни нищих кормила сама и прислуживала им; принимала странников, одевала нагих и ежедневно посещала в темницах сидящих и во всех приютах, только где находились бедные, и всем носила потребное; а наипаче очень сожалела больных бедных; заботилась о них, как мать родная, сама спешила к больному и расспрашивала, что не желает ли он чего? Меня завсегда брала с собою, или посылала меня кому, что-нибудь снести из потребного; но еще очень любила раздавать тайную милостыню, дабы ее никто не знал и не видел; и завсегда говаривала: надобно подавать милостыню правою рукою, а левая чтобы не знала, то она раздавала по ночам, чтобы и муж ее, а мой отец, не знал этого; а наипаче когда плохая погода или дождь, или снег, или вьюга, она вставши в полночь тихонько, да и меня разбудит, и мне, бывало, вставать не хочется, а она утешает и велит молчать, одевает и обувает меня, потом отправляемся – куда же? В амбар, и там уже у ней с вечера приготовлены разные узелки: то с мукою, то с крупю, то с рыбой, то с холстом, то с деньгами; вот мне даст что полегче: деньги и холст, – а сама наберет, что чуть едва поднимет, и отправляемся в путь иногда по колено по грязи, а иногда по снегу, а иногда в дождь и снег, что и зги не видно; а ей уже все известны бедные. Вот и начнет разносить: положит узел чего-нибудь, также и денег, да постучит в окошко, а сама скорее бежать; когда все разнесем, тогда возвращаемся домой, и мне строго накажет, чтобы не сказывал ни отцу, ни кому другому. Пришедши домой, меня положит спать, а сама начинает молиться Богу. В то время ей было около 30 лет. Когда окончилось мне десять лет, то родитель мой отторг меня из объятий моей родительницы и взял меня с собою на чуждую страну, показывать мне мир и его соблазны и приучать меня к мирским занятиям и торговле; мать моя умоляла его беречь меня от всех пороков греховных, а наипаче умоляла его, дабы не приучать меня ни к трактирам, ни к чаю, ни к вину, а наипаче не неволить меня ни к чему.

13. Вот, исторгнувшись я из объятий матери, странствую уже 40 лет, хотя первые около 10 лет для миру, а уже около 30 лет ради Бога. И вот родитель, исторгнувши меня из объятий родительницы, увез меня на чуждую страну; что же – я опять очутился в кругу родных: дядей и двух двоюродных братьев. Все, увидавши меня, обрадовались: начали меня целовать и ласкать, и расспрашивать. Потом пошли все в трактир, а я же остановился и не пошел. Меня спросили: «Почему же ты нейдешь?» Я же сказал, что грешно ходить в трактир. Они же все засмеялись и сказали: «Вот еще вздумал какие пустяки», – и потащили меня

⁹ Надписано сверху, вместо заключенных в скобки слов «но только».

¹⁰ Слова «в меня вселиться» надписаны сверху другим почерком; вместо заключенных в скобки «на меня сесть».

¹¹ Надписано сверху другим почерком, вместо заключенного в скобки «но».

и нехотящего. Взойдя, сели за стол, а я сижу ни жив, ни мертв, а слезы из глаз текут ручьями, и думаю: «Вот трактир провалится сквозь землю, и я пропаду». Потом подали чай; налили и мне чашку, я пить никак не хотел; они же все на меня закричали, а наипаче дяди, и сказали: «Вот что еще вздумал – не пить чай; у вас с матерью все грех, пей, да и только»; отец молчал, ибо боялся матери моей, но дяди приневолили, и я разрешил и начал пить. Приехав домой, я со слезами признавался матери, что приневолили меня пить чай. Она же, взяв меня в объятия, много плакала; потом сказала: «Милое мое дитяtko, среди миру жить – трудно убежать мирских прихотей и соблазнов». Этим она меня как бы прямо послала в монастырь, и еще более начало меня понуждать в монастырь; дядя же мой один больше придерживался расколу, толку беспоповского, которого¹² я уже не мог терпеть. Он же всячески старался меня склонить в свое мнение; но я терпеть не мог и завсегда с ним состязался.

14. В одно время, на чужой же стороне, в праздничный день, он сказал мне: «Петя, пойдем в часовню Богу молиться»; я думал, что в нашу, и пошел с ним; он же пошел в другую и сказал мне: «Вот та-то и есть другая часовня; там лучше поют и лучше украшено»; а я был еще мал и не понимал, что значит другая; я полагал, что все одно, что там или в другом месте. Вот только стали мы входить в двери, то вдруг меня встретил дурной запах и отвратительный, так что я остановился и сказал дяде, что это какая часовня, что какой-то осенил меня отвратительный воздух и запах; он же убедил меня взойти вовнутрь, и я когда взошел, то и до днес удивляюсь, что такое со мной случилось, ибо показалось мне, что я вошел в ад, что запах мне показался самый отвратительный, так что я тут же почувствовал боль в голове; иконы хотя хорошие и древние, но лиц их ничего не видно, а люди показались какими-то извергами, не похожими на русских; пение и чтение самое отвратительное, так что я ничего не мог понять и убежал без памяти, не видя дяди. Ибо как бы из огня я выскочил, и, шедши домой, на пути зашел в православную великороссийскую церковь полюбопытствовать, ибо шла Литургия; я, простоявши до конца, хотя и не мол и лся руками по обычаю раскольников, но во внутреннем человеке плакал, и наполнилось мое сердце какою-то духовною радостью. Пришедши на квартиру, отец спрашивал: «Где был у часов?» Я сказал, что нигде, а стоял Литургию в великороссийской церкви. Отец, услышав, засмеялся и сказал: «Да, слово то приятное, ведь церковь-то лучше часовни, видно Петю-то не обманешь, даром, что он мал». С того времени я уже в великие праздники начал похаживать в собор, хотя не для моления, а для любопытства. Но это только на чужой стороне.

15. Вот еще со мной случились два чудесные происшествия: ибо в одно время был я почти год болен и однажды заболел к смерти. Читавши книги, а наипаче Евангелие, и зная благодать тайны причащения Тела и Крови Христовой, ибо Господь сказал, что аще кто яст Тело Мое и пьет Кровь Мою, имать живот вечный, и воскрешу его в последний день. Вот я и предложил родителям, чтобы меня причастили. Они хотя любили меня, но просьбою моею затруднились, потому что нашего раскольнического священника беглого тогда у нас не случилось; а желание мое исполнить захотелось, ибо зная мою ревность по Церкви и за причастие, ежели бы отказать мне это; то могут огорчить меня; что же случилось? Истинное великое чудо, и ясно показалось о мне Господне попечение; ибо когда я открыл глаза, то вижу пред собою стоящего священника православного в епитрахиле и в ризах, чему я весьма удивился, потому что православный священник не бывал в нашем доме, а тут вижу стоящего с требой, а родители около него стоят молча, слезами залившись; священник спросил меня: «Желаешь ли ты причаститься Тела и Крови Христовой?» Я ответил замирающим голосом, что желаю; он спросил: «Можешь ли хотя сесть?» Я сказал, что никак не могу; и священник,

¹² Окончание «го» надписано сверху другим почерком, вместо зачеркнутого «му».

прочитавши молитвы, причастил меня запасными Дарами: Тела и Крови Христовой. Я очень этим был утешен и скоро совершенно выздоровел. Родители же и все сродники после много сами себе удивлялись, что каким это образом они решились так скоро позвать Великороссийской Церкви священника, что во всю жизнь свою боялись как огня принять благословение от мирского священника, а тут вдруг позвали и позволили причастить свое детище, и даже все их за это бранили; но я по глупому своему разуму завсегда говорил, что это так было угодно Богу, и принимал я это за особенный промысел Божий.

16. Также еще случилось на чуждой стране, приняла меня лихорадка самая злая, так что ежедневно мучила, да и только; мне некто сказал: «Съезди в такую-то церковь Четырех Евангелистов и отслужи молебен, и будешь здоров». Я сказал, что я к Церкви Православной не принадлежу, а к часовне; потом я рассудил: что мне, что я нецерковный, но только дабы выздороветь, ибо каждый болящий врача не спрашивает, кто он такой, но только желает быть здоровым.

В один воскресный день я отправился на извозчике в эту церковь, только начали благовестить к Литургии; я, вошедши в церковь, помолившись, дал священнику целковый и просил его отслужить молебен четырем Евангелистам, а меня как приняла лихорадка, что я чуть едва вышел на паперть и тут упал без памяти; пролежал всю Литургию, и когда пришел в себя, уже выходит народ из церкви. Я встал как ни в чем не бывало и сделался здоров. Больше уже она не приходила¹³ ко мне. Вот уже дважды Великороссийская Церковь изливала на меня свои чудодействия, и я все это слагал в сердце своем.

17. Однажды читая Четьи Mineи, жизнь преподобного Макария желтоводского, увидел, что он 12#ти лет бежал от родителей в монастырь, то я по его примеру, как только минуло 12 лет, на чужой стране бывши, бежал тайно в монастырь, который был мне известен прежде, в раскольнический; узнав об этом, родители много плакали. Потом родитель отправился меня искать и, приехавши в монастырь, нашел меня и начал меня уговаривать домой, чтобы ехал и утешил мать и бабушку, которые неутешно плачут о тебе; но я его просил, чтобы оставили навсегда меня в монастыре; даже начальник просил родителя, чтобы оставил меня в монастыре, но родитель никак не согласился оставить и нехотяща взял – повез меня домой. В монастыре я прожил месяца три. Дома же родные меня встретили с радостью и от радости много плакали.

18. Хотя и немного я пожил в монастыре, но хорошо вкусил иноческую жизнь; и уже мне дом свой и мирская жизнь стала казаться каким-то страшным чудовищем, и ничто не стало мне мило: ни родители, ни сродники, ни дом, – бежал бы в монастырь или в пустыню, да и только; но родители всячески старались меня утешить и дали мне полную волю, дабы только жил дома, и обещались меня не заставлять торговать и нечего не делать, а только Богу молиться и книги читать. Вот поэтому и сделал я в доме своем полумонастырь: завел ежедневную службу по уставу монастырскому, вечерню, утреню и часы. Начал всегда вставать с полуночи молиться Богу и будить всех домашних. Сначала они все этому радовались, а после скоро и наскучило, и начали на меня скорбеть и не велели их тревожить; то я уже стал один все исправлять и торговых дел не оставлять. Все это мне одному очень трудно было выполнить монастырское правило, юному отроку, да еще и мирскими делами править и торговать; хотя духом я и не изнемогал, но час от часу он разгорался в любовь Божию, а юное мое тело стало изнемогать. Так случится: читаю что-нибудь – у меня весь свет закружится, и обморок ударит меня о землю, и я лежу как мертвый. Тогда-то вспоми-

¹³ Слова «ко мне» приписаны другим почерком.

нал Евангельские словеса, что один раб двум господам угодить не может, тако и человек не может угодити Богу и миру, а которому-нибудь одному.

19. Поэтому неотлагаемо положился оставить весь мир и все яже в нем и служить и работать единому Господу Богу, а так как в монастырь не отпускают, то и вознамерился удалиться во внутреннюю пустыню, в непроходимые горы и леса, и совершенно скрыться от человек. Решился это совершить, не отлагая времени день за день; родитель мой уехал в другой город по своим коммерческим делам, весною, в самую распутицу, когда нет пути ни конному, ни пешему, а я собрался в дальний невозвратный путь. Тихонько взял с собой один псалтирь и крест и рано утром пришел к матери своей и начал просить у нее благословения в путь, на половину дня сходить к одному человеку за книгой. Она сказала: «Неужели тебе еще не достает книг, ибо ты уже хочешь захватить весь свет книг». Я сказал: «Хотя и много у меня книг, но все я еще все книги не прочитал; еще много есть таких, про которые я еще не слыхал». Она же, любя меня, сказала: «Господь тебя благословит, только к обеду поспешай домой».

20. Я же, получа благословение, отправился в путь с намерением уже до смерти домой не возвращаться и пришедши к одной реке, чрез которую уже ходу не было, потому что того и смотрели, что тронется лед; но я, перекрестившись, пошел по льду благополучно; и мне не казалось очень страшным, перейдя реку. Люди спрашивали: «Как ты мог перейти реку, ибо уже три дня, как никто не осмеливался переходить ее»; я удивился их разговора, что я перешел и никакой опасности не видал; но как оглянулся назад, у меня волосы дыбом встали, ибо я увидел, что лед, только что слава лед, – весь в дырах и полыньях, и вода бьет водоворотами. Но я поблагодарил Господа Бога за сохранение моей жизни, которою я уже и не очень дорожил, ибо просил и желал, чтобы в каком-нибудь страдании, Бога ради, окончить дни маловременной моей жизни, оставить землю и переселиться на небо к дражайшему моему Господу Богу.

Шел я тот весь день без пищи, где по пояс водой, смешанной с снегом, а где по колено – грязью, то весь в поту, и сделался весь мокрый, и отошел я верст 40. К вечеру пришел к другой реке – больше первой, и я в селении стал спрашивать, как мне перейти реку. Мне сказали, что никакого ходу нет и стоят караулы – никого не пускать. Я же притворился посланным от хозяина, что работник с нужными делами – необходимо нужно перейти. Они же мне сказали: «А когда так тебе нужно, то иди в город и как-нибудь переедешь»; и меня оставляли ночевать, но я не остался, а пошел вон из селения. Боялся идти в город, зная, что мой родитель в этом городе находится по своим делам, то как бы не попасть ему на глаза; но делать нечего, надо идти. Когда меня настигла ночь, то я не пошел ночевать в дом, а ночевал вне селения, в соломе; всю ночь продрожал мокрый и холодный; а в ту ночь сделался сильный холод и мороз. Я от холода и от дрожания дожидался последнего дыхания. Да и просил у Бога себе скорой смерти.

Но благодатию Божией покрываемый, остался жив, хотя и нежного был воспитания, а здоровья не повредил. По утру встав, пошел в путь, но уже не такой бодрый, как накануне: то от переознобу, то от голода, идя думаю: ежели невозможно будет перейти реку, то наложу на себя юродство и буду юрод Бога ради до смерти. Вот избрал я себе два пути ко спасению, и оба самые трудные и тяжкие. Но духом горел любовью ко Господу Богу и просил Его помощи. Слезы лились из очей моих; еще был очень юн, ибо имел тогда 13 лет отроду.

21. Придя в город, шел подле реки и спрашивал: где можно ее перейти по льду. Что же внезапно вижу пред собою? Своего родителя; увидел его – весь от ужаса изменился. Он же, увидев меня, едва мог узнать, говорит своим людям: «А что, это, кажись, мой Петичка».

Они ему ответили: «Точно он». Он же послал спросить меня, зачем я пришел. Я, видя свою беду, что попался в сеть, тотчас же притворился юродивым и помешанным в уме и затворил свой язык – сделался немым. Они начали меня спрашивать, зачем я пришел, а я притворяюсь неистовым и ничего не говорю; они же побежали от меня прочь и сказали отцу моему. Он велел меня схватить; и один взял меня на руки и принес к родителю. Он же, увидя меня, что якобы я три месяца лежал больным, и весь измененный в лице своим и в соломе, горько заплакал и сказал: «О, Господи, что ты мне дал за сына, что все надобно с ним мучиться, а тут свои дела!» Потом подали коней – и повез меня домой. Дома же меня хватились, ибо уже наступили другие сутки, а меня нет. Потом, увидя, что меня отец привез, все выбежали, обрадовавшись; отец сказал им: «Не радуйтесь, хотя и привез, но только полсына, ибо он помешан в уме и ничего не говорит»; потом спросил: «Давно ли он ушел из дому?» Они сказали, что другие сутки. Потом привели меня в дом и обратились все в плачь. Потом повезли меня отчитывать к своему беглому попу и посулили ему 50 рублей, только чтобы узнать, что я нарочно юродствую или вправду помешался умом. Он же оставил меня у себя и начал надо мной читать Евангелие. Потом, во един от дней, поставил посреде часовни аналой и положил Евангелие и крест, и начал меня заклинять и допрашивать, что я не притворяюсь ли это. Я же, испугавшись, разверг уста свои и сказал ему: «Когда ты меня так приводишь к клятве, то и ты будь проклят, ежели это откроешь родителям моим; но сохрани эту тайну до моей смерти». Однако он сказал родителям, что я это делаю намеренно, и они оставили меня в спокойствии и не стали более отчитывать, но увезли домой, только ежедневно стали меня увещевать и грозить. Я написал им записку, чтоб дали мне паспорт и отпустили по странствовать, а иначе сам уйду навсегда. Родитель уехал по своим делам, а матери приказал меня отпустить, и то только на один месяц. После отца мать моя призвала меня в молитвенную храмину и начала мне говорить следующее: «Возлюбленное мое чадо, послушай меня, свою родительницу, ибо нам небезызвестны все твои начинания, хотя ты это делаешь Бога ради, но нам наносишь несносные скорби; но говорить теперь тебе о том не буду. Ты просился у нас странствовать; вот отец и велел тебя отпустить, но только на один месяц, а потом возвратись домой, и теперешний раз непременно возвратись, ибо я тебе благословения не даю теперь, а после связывать больше не буду. Когда же, после, будешь возвращаться, то говори со всеми. Вот тебе паспорт и деньги на дорогу» – и благословила меня.

22. Я отправился в путь и начал со всеми говорить, потому что вижу, что тайна моя не утаилась. Вот странствовал я, по родительскому благословию, один месяц, потом, купив книг, возвратился домой, уже говорю, и было все семейство в неизреченной радости. Потом возвратился домой и родитель.

23. Увидясь, много мы разговаривали, и он был очень доволен, что я сделал послушание и возвратился в дом свой. Потом начал говорить:

«Возлюбленное наше чадо, скажи ты нам решительно, что будешь ли ты заниматься нашими торговыми делами или нет; или еще что будешь начинать, но мы тебе решительно скажем, что куда мы живы, в монастырь не отпустим, а ежели тихонько уйдешь, то повсюду тебя сыщу и привезу домой; а ежели не найдем тебя, то Бог с тобой – проклинать тебя не будем; но куда ты в нынешние времена укроешься, повсюду найдут». Я же ему ответил: «Дражайший мой родитель, юность моя и любовь моя к вам заставляет еще с вами пожить, и буду заниматься всеми житейскими делами и торговлею, только что вы не заставите меня делать; и все ваши препоручения исполнять буду, сколько сил моих станет. Конечно, хотя я и начинал свои предприятия, но они успехами не увенчались, – теперь надобно до времени отложить, куда подрасту побольше и буду поумнее; но хотя я и останусь у вас работать миру, но не навсегда, а только до времени, а рано ли, поздно ли, а дол-

жен я вас оставить: идти во след Иисуса Христа и исполнить свое обещание и намерение; хотя бы вы меня и женили, хотя бы я и детей нарождал, и тогда все оставлю и пойду работать Господу Богу. Только разве посечет меня, как земную пшеницу, смертный серп; тогда уже буди воля Господня, а не моя».

24. Родитель же, выслушав меня, остался доволен моим ответом, потом немедленно отправил меня на чуждую сторону, по торговым делам: вот с этого времени принялся я совершенно за торговые и за все мирские дела и вступил я на поприще мирской суеты, и ринулся я в пещь соблазнов и искушений мира сего. Начало меня жечь и палить со всех сторон – только повертывайся, – и пустился плыть по житейскому морю в малой и худой своей лодочке, обуреваемый со всех сторон волнами и душевными бедствиями; того и смотрел, что погружусь в бездну грехов – и пропадет душа моя; хотя и предал всего себя миру, но душу и тело мое, сколько сил моих было, хранил чистыми и непорочными; хотя и окружали меня со всех сторон бедствия, но я все-таки всему сопротивлялся; хотя и был занят всеми делами мира сего, но во внутреннем человеке душа моя беспрестанно вопияла и плакала, и, как младенец, подняв руки ко Господу, кричала со слезами: Из глубины души взываю к Тебе, Господи: Господи, услыши глас мой, изведи из темницы мира сего суетного душу мою; да буду исповедывать святое имя твое во вся дни живота моего, ибо еще не Ты, Господи, подаси руку помощи Своей, то вечно вселится во ад душа моя, ибо хожу посреде сетей смертных, ибо со всех сторон окружен я сетями и отовсюду обыдоша мя врази мои, страшные исполины, диавол со всеми своими полчищами и коварствами, мир со всеми своими прелестями, соблазнами и роскошами; плоть со всеми своими страстями и похотями – вот между такими-то я нахожусь опасностями и с такими-то страшными и великими врагами; принадлежит брань и война; да еще беда и то, что сижу я на юном коне, необузданном, который рвется и прыгает во все стороны и стремнины; того и погубит меня, что чуть-чуть едва могу удерживать его за вожди, а помощников от человек никого нет, ибо не имею ни учителей, ни наставников, ни предводителей, но токмо к Тебе, Господу Богу моему, прибегаю и Тебя на молитву призываю, буди мне помощник и прибежище в скорбях, обретших меня зело. И когда бывал где-нибудь в уединении и слезами умывая лицо свое, воспевал песнь сию:

25. О, юность моя, юность, младое ты время и тяжкое бремя, как мне тебя младу будет провождати, – закон Божий соблюдать и душу спасати. О, юность моя, юность, тяжкое ты время, и несносное бремя, и конь необуздан, быстро ты стрекаешь, грехами отягчаешь и душу мою погубляешь; но придет время, что возьму вожди в руки, буду управлять по тому пути спасенну и душе полезну.

26. Так протекла моя жизнь посреде миру и его сетей и соблазнов, и начал меня мир опутывать своими сетями, время от времени, день ото дня, час от часу – более и более.

Но, хотя и оставил меня Господь пожить посреде мира и его сетей; но это все был промысл Божия человеколюбия о мне, как я теперь понимаю, хотя тогда и тяжело было мне вывариваться в таком котле соблазнов; первое: что вырастил меня до совершенных лет и до усовершенствования ума и рассуждения, дабы после не стал раскаиваться о таковом начатии иноческой жизни. Второе: захотел мне показать и раскрыть мир и его прелести и соблазны, его утехы и горести, его превратности и непостоянство¹⁴; ибо хотя и немного пожил я в мире, не более 8#ми лет, совершенно привязанным, но все его утехы, сладости, горести и превратности вкусил и прошел на самом деле, ибо принят был я во всех обществах и находился

¹⁴ Приставка «не» надписана сверху другим почерком.

во всех собраниях между дворянами последним нищим¹⁵, между купцами средним поселянином¹⁶, а между низшим классом – первым. Но благодарю Господа моего, что во всех обществах был одинаков, ибо мир и его прелести, и соблазны, и суеты его не могли потушить искру благодати Божией, впавшую в мое сердце. Еще в малолетстве моем, но все час от часу она возгаралась: хотя я телом и находился между товарищей и друзей и в кругу разных собраний, но душа моя завсегда горела любовью к Богу и летела бы в уединенные и пустынные места; за то и звали меня все игуменом, ибо не любил я никаких забав и увеселений, ни кошунства, ни игр, ни смеха, хотя иногда и шутил, но и то очень скромно, ибо я от природы свойства веселого и приветливого, ибо где я бываю в компании, то никого не допущу быть в скорби и печали, но и непристойного что сделать никто не отважится, а когда бы кто зачинал делать, но другой скажет: «Перестань, игумен здесь», – и замолчат, ибо все мои были разговоры от Священного Писания и от книг; память была у меня великая, завсегда говорил с целию, в какой находился компании, или в защиту Церкви и священства, или к исправлению нравов и жизни, или о высоте и славе иноческой жизни, или превозносил выше небес общежительную или безмолвную пустынную жизнь. За то любили меня все мои сотоварищи и друзья и называли меня юным старцем; и все за счастье почитали, когда случался где я в компании.

27. Случалось многожды, что некоторые начнут говорить худо о монахах и священниках, хотя бы и о Великороссийской Церкви, осуждать и поносить их, то я бываю с самою великою ревностью против этого защитником: «Как вам, мирским людям, которые находитесь, как паршивые козлища, и валяющиеся, как свиньи в грязи, говорить про Христовых пастырей или про Христовых воинов, или про земных ангелов и про небесных человеков; нам ли говорить про них, мирянам, которые ежеминутно валяемся во всех страстях и суетах мира сего, которые ежеминутно грешим, да и признаться и покаяться в том не хотим, да еще себя и оправдываем; иноки – такие же человеки, как и мы, носящие кровь и плоть, оставившие мир и его суеты, удалившиеся в монастыри и вступившие в войну и борьбу со врагами и дьяволами, с миром и плотию своею, но какая то беда, что где-нибудь случилось бы ему и поткнуться, или быть раненому; за это укорять нам не должно, потому что иннок только лишь поскользнется и упадет, то немедленно вскакивает и бежит вперед, а как только лишь получает рану, то немедля поспешает во врачевницу, в свою келию, и там слезами залечивает свою рану; а мы, миряне, не только что упали, но, упавши, лежим в грязи – о восстании своем и не думаем, но еще более и более в ней валяемся; также уже тысячи ран получили от врагов, все находимся в струпях; но об излечении своем никто и не помышляет; а хотя и случится нам сделать какую добродетель – подать милостыню или сотворить ближнему помощь, или помолиться Богу, – то всячески стараемся, чтобы сделать это при публике и чтобы все это знали и нас похваляли, или с целию, чтобы Бог дал нам счастье в мире сем, чтобы побольше собрать богатства и получить временную славу; а для спасения души своей едва ли кто делает добродетели.

От этого боялись при мне что-нибудь худое говорить о монахах; иногда и случалось что-нибудь кому говорить о монахах худое, но другой сейчас возражает: «Ей, брат, молчи, об этом не говори: здесь есть монашеский игумен, он за них встанет», – и все замолчат.

28. Живя в мире, я хотя и был юным отроком и предлагаемое все употреблял, что святые отцы позволяли мирянам, но мясо хотя и ел, но его не любил; горячих напитков никаких не пил, с женским полом обращаться не терпел; одежду носил самую скромную, полу-

¹⁵ Слово надписано сверху другим почерком.

¹⁶ Слово надписано сверху другим почерком.

монашескую, служб церковных никогда не пропускал. Ежели нет часовни, то дома читал. Все торжества, крестные ходы и процессии завсегда любил; ходить и присутствовать в Великокороссийской Церкви при православном архиерейском торжественном благолепии – и это много делало на мое юное сердце влияния и действия.

29. Где делали собрания раскольники между собою говорить и спорить о верах, то я завсегда находился между собраний этих сочленом, ибо я сам был великий охотник спорить и разговаривать о догматах веры. Ежели сам не узнаю, когда это собрание и где, то за мной сейчас присылают, ибо поповщинский толк имел во мне великую опору и защитника Церкви и священства; ибо множество у меня было друзей и сродников, придерживающихся беспоповского толку, то случалось мне бывать между сотни одному и ночевать у них, и по целой осенней ночи, по 12 часов и более, проводить в разговорах без сна, ибо все толки старались меня склонить на свою сторону, надеясь меня иметь неодолимым своим столбом и защитником, ибо юное сердце можно склонить на какую хочешь сторону; но я благодатию Божию устоял против всех бурь непреклонно в своем мнении – при Церкви и священстве; ибо, бывало, натаскаем целые кучи книг древних, рукописных и печатных, а которых не можно было найти древних, или вовсе их еще и не было в переводе славянском, те заменяли новыми, как то беседы Евангельские и Апостольские, Златоустого Иоанна, Василия Великого, Иоанна Дамаскина, Богословия, Игнатия Богоносца, священномученика Киприана, Толковый псалтирь, Ириния¹⁷, архиепископа Архангельского, а потом Псковского, его же Толкования на про роков и иных много; на конце этой статьи сделаю выписку из всех тех книг, которыми я доказывал им о вечности Святой Христовой Церкви, Ее таинствах, о священстве и о причастии Тела и Крови Христовой; а наипаче всего более заграждал я им уста и доказывал из Святого Евангелия, из Апостола, ибо против Евангелия и Апостола ничего они не могут доказывать и ничего не находят написанного в свою пользу. Но в книгах святых отец находят себе пролазки и перетолковывают в свою пользу; но и то я объяснял слова святых отец – для какой цели они это писали. Но когда коснешься до Евангелия и Апостола, то они онемеют и молчат против сего, и все соглашаются со мной, и говорят: «Это правда, что трудно без Церкви и без таинств церковных, и без священства спастись почти невозможно; против этого сказать нечего; это правда, что все те, которые находились вне Христовой Церкви, именовались еретиками, или раскольниками, и никто, кроме ее, спастись не мог. Все Святые спаслись и взошли в Царствие Небесное только чрез Церковь, и только чрез эти враты можно взойти в Царствие Небесное. Но ты скажи нам то, которая она есть и где она находится; а церковь Ветковская, при которой ты находишься и к которой принадлежишь, и которую ты стараешься защитить, она истинною Христовою Церковью назваться не может никак, и спастись при ней сомнительно, ибо и ваша церковь не Христова, потому что с Евангелием отнюдь не согласна; так, как и наша, – все единственно, ибо наша Церковь без священства, а ваша без епископства, – ибо это все едино, – как истинный христианин не может быть без священника, так равно и священник не может быть без епископа; а Христова Церковь по Евангелию, и апостольская, должна быть с епископами, ибо Господь Иисус Христос дал власть свою править Церковью и ключи от Царствия Небесного – апостолам, а они поставили вместо себя епископов и передали им власть и ключи Христовы от Царствия Небесного. Вот теперь покажи же нам от Писания, что может ли истинная Христова Церковь без епископа или когда была ли она без епископа, ибо все Писание гласит, что Церковь сопряжена и соединена с епископом, как душа с телом, или как муж с женою, или как глава с туловищем, или, лучше сказать, как со Христом, так и с епископом».

¹⁷ Имя надписано другим почерком, вместо зачеркнутого слова «Прения».

30. Вот тут-то бывает беда моя, вот эти-то огненные стрелы и раскаленные ядра поражали меня; вот тут-то я начну кидаться и бросаться, чтобы найти чем возразить против этого, но не могу ничего найти и встану в тупик и замолчу. Делать больше нечего. Один другому уста заградим, что все мы не правы, – и помиримся и разойдемся; но после этого бывает скорбь сердечная, тоска и скука, даже, нередко, и болезнь; потому что досадно, что не можем ничем доказать этого. После этого закаиваешься, что впредь ходить на эти споры и собрания не буду. Но после опять позабудешь, ибо по ревности моей за Церковь паки бегу в эти собрания, думая, авось, не даст ли Бог кого-нибудь обратить и убедить к Церкви. Но хотя и казалось мне, что эти прения, собрания и споры не приносили никаких плодов: ни душам нашим, ни Христовой Церкви. Но после оказалось, что Святая Христова Церковь обобрала много плодов, и плодов очень хороших, да и тогда она много обирала, как мы после замечали.

Первое то, что мы сами спорники тогда приходили в сомнение вообще о всем расколе. Второе – бывали в собраниях беспристрастные слушатели и видели, что все мы не правы и заградили один другому уста, то обращались к Православной Церкви. Третье – всегда бывали и сами православные, то они наиболее утверждались в своей вере и Церкви, видя, что все толки называемых старообрядцами не что иное, как одни только раздоры и пустые толки.

31. Случалось иногда и наедине сидеть и размышлять о всех этих толках и спорах, и сектах, и думаешь, что беспоповцы одним меня одолевают, что мы не имеем епископов, и только против этого не могу я им ответить и оправдаться; но я им всеми книгами и писанием заграждаю уста и доказываю, что они совершенно заблудшие овцы и не имеющие никакой надежды спасения; но ежели мне где-нибудь случится иметь разговор и прение с чадами Греко-российской Церкви, чем я буду их обличать и чем оправдываться. О, Боже мой, что такое – ведь отнюдь против их нечего говорить и оправдываться; ибо Церковь у них есть, таинства церковные имеют все, освященный чин полный, все степени, и мы сами священников получаем от них, и самая благодать Святого Духа чрез них же и на нас изливается; а когда у них ее нет, то стало быть, и у нас ее не бывало; а ежели у них благодать Святого Духа, то неужели их-то Церковь правая и истинная; а хотя наши старообрядцы и укоряют ее и находят вины, для которых от нее отделяются, но и то только в одних обрядах церковных; а о догматах веры ни слова не говорят, а за догматы считают одни обряды, – оттого приходил в оцепенение и оттого боялся про Греко-российскую Церковь что-нибудь хульное или уничижительное, и даже что-либо боялся о ней говорить, но полагал ее в судьбах Божиих и боялся кого-нибудь от нее отвлечь к себе и к своему согласию.

Это было, как я теперь чувствую, действие благодати Святого Духа и тайное призывание к Святой Христовой Церкви, но сам все таки оставался в расколе до времени.

32. Но хотя я и находился посреде мира и его соблазнов, в кругу общества самого обширного, и в заблуждении раскольническом, хотя и по неведению, но благодать Божия хранила меня во всех путях моих и даже обильно изливалась на меня, ибо сколько чудесным образом был я спасаем от болезней, даже от самых смертей, от разбойников и от потопления, ибо торговля наша была по большей части по водам, – и исчислить не могу, сколько раз был я Богом спасен от душевных бед и опасностей; и многожды выхватывал меня из самого пламени и пещи; ибо, бывало, где уже никакой помощи человеческой нет и не предвидится, то я, как дитя, поднимаю свои руки ко Господу Богу и тот же час или самую ту же минуту получаю Его святую помощь, – удивления было достойно, да и только. Это не только одному мне было заметно и известно, но и всем ближним моим и известным мне. Бывало, удивляются все надо мной – деющимся чудесам и Божией помощи, хранящей меня, – и начали все бояться меня, чтобы чем меня не оскорбить, ибо за всякое оскорбление Бог их наказывал; да и мне было жить нелегко, ибо ни одного порока так не прошло, чтобы Бог меня не нака-

зал; но миловал, щадил и беспрестанно наказывал любя, и сделался я как бы наставником, ибо всегда я в деле: или куда зовут, или у меня кто сидит, – а наипаче любили меня те, которые имели намерение в монастырь, ибо все эти прибегали за советами, и я много в то время сеял семя; тогда оно было и не заметно, но после, когда я совсем ушел в монастырь, тогда-то оно принесло много плодов.

33. Но я, живя среди мира и его соблазнов, в самых юношеских летах, в самом пылком возрасте, хотя и в страсти не погрузился, ибо огонь любви Божией во мне пылал, но мало-помалу начал утихать; ибо мир и его прелести начали своими волнами его заливать, и я от ужаса трепетал, что ежели огонь мой во мне потухнет, то я пропаю в мире и не исполню своего обещания и желания; но все-таки надеялся на Господа Бога, что какими-нибудь судьбами меня вытащит. Но я все час от часу более и более запутывался в мирские сети, и день ото дня труднее и труднее становилось мне из них выпутаться.

Вот, наконец, Господь Бог захотел меня вытащить из мира какими судьбами, почти усильственными.

34. В одно время случился мор великий на людей в одном граде; а я случился быть там; что же – померли у меня все приказчики и рабочие, и я всех сам свозил на кладбище.

Вот в жизни моей Господь привел мне видеть какое страшное зрелище, ибо по улицам целыми обозами возили мертвых, запустели почти все дома и торжища, и прекратились все дела человеческие, ибо пути до кладбища сделались, как неиссякаемый поток; в несколько рядов идет и едет народ: одни везут мертвых, а другие возвращаются домой. Когда я сам привозил по два и по три гроба за раз, то видел своими очами, как все кладбища уложены были гробами и мертвыми телами, потому что не успевали погребать, ибо кладбища были подобно ямкам: тысячи там людей живых и мертвых, ибо живые погребают мертвых и не успевают; кто закапывает, а другие привозят мертвых, ибо уже никто ничего не помышляет, а заботится только о том, чтобы изготовить себе могилу: Вот я здесь-то видел, что всякий человек всеу мятется – собирает и не весть кому собирает; ибо на богатых гробах насыпано кучами золото и серебро, для того чтобы поскорее погребли его в землю, но оно вменяется, яко прах, и никто на него не обращает внимания, и родные сидят полумертвыми, и держат в руках горсти золота, и дают погребателям, чтобы поскорее положили в землю их родного, дабы при своей жизни погребсти его; потому что и сами ожидают немедленно того же урока. Но им один ответ: «Ступайте прочь со своими деньгами, а когда придет очередь, то погребем и без денег; на что же нам деньги, когда уже мы изготовили себе могилы».

Вот было зрелище, и зрелище плачевное! Я иногда, привезя гробы, ходил по кладбищу часа по два или по три, иногда и более, – вместе с господами, дворянами и купцами, – пособлял закапывать мертвых, ибо уже тогда различия в сословиях не было, но все были в равенстве. Тут-то я мог видеть всю превратность человечества – суету и тление, ибо видел, как по два гроба привозили на одной повозке, и спрашивал: «Кто это такие?» – и узнавал, что это новобрачные и только лишь окончили пир; а вот они прибыли на другой плачевный пир.

Видел и то, как из одной улицы привозили жениха, а из другой невесту, и вот гробы их поставили рядом, и родители, сидевшие при гробах, оплакивали их, что совершили брак на кладбище. Видел я своих друзей и знакомых: как они за несколько часов со мной разговаривали и тут уже лежат мертвыми. Увидишь знакомых – спросишь: «Кого привезли?»; скажут: «Того-то». Да как так скоро – он недавно здесь был; привозил и со мной виделся; но вот уже он лежит бездыханным.

Вот я приезжаю на квартиру, и уже делают гробы. Спросишь: «Кто помер?» Говорят, что уже двое: такой-то и такой-то; а я немедленно опять отправляюсь на кладбище;

потому что я уже и¹⁸ не имею власти заставить повелительно, что пришло каждому до себя, уже хозяев и повелителей не стало; да еще каждый отзывался боязнию. И воистину на кладбище, не выдав это зрелище, всякого ужаса исполненное, а я уже привык, да еще и смерти не очень боялся, но всю надежду свою возверг на Господа; и это зрелище считал себе училищем и академией.

35. Вот здесь-то надо было воспеть одного отца святого песнь сию:¹⁹

«Великий праздник ныне у смерти: созвала она и собрала все племена и народы; созвала царей и князей, сильных и обладателей. Призвала вселенную от концов ее, собрала роды и поколения, острова и обители их – от одного конца до другого; и отверз гортань свою алчный шеол, поглощающий все поколения.

Как царь, стоит смерть в обители мертвых, окруженная воинствами своими, бесчисленными тьмами, полчищами и сонмищами людей, которых созвала, чтобы все ее узнали.

Низложила она человечество и ввергла во тьму к умершим: среди безмолвных целые холмы сложила из добрословесных. Челюсти гробов отверзты, а двери чертогов заключены.

Наполнились гробы телами умерших, без жителей пусты остались дома: протоптана дорога к мертвым; запустел путь к живым.

Не знают сытости шеол и обитель пагубы, гробы не говорят; довлеет всякий труд, всякое дело прекратилось у сынов человеческих.

Оставлены ими имущества и дома, каждый роет себе могилу; день и ночь себе роют могилы и не спасаются от них.

Всякий заботится о том, чтобы приготовить скорее ров своему телу, и ров этот ему приятнее ложа под богатым покровом.

Каждый спешит вырыть столько могил, сколько людей у него в доме; продает все, что имеет у себя, только бы приготовить себе погребальные одежды.

И золото, и сокровища в пренебрежении, одни только гробы ценятся высоко.

Выносящие мертвых, как неиссякающий поток, покрывают путь в жилище мертвых; но множеству умирающих недостает могил; каждый заботится о своей только могиле.

Заботится прежде приготовить для своего праха могилу, а потом уже и для других. Мало земли для могил, вся она изрыта, вся ископана.

Без погребения лежат мертвецы, и тлеющие тела некому отнести в могилу.

Исчезла надежда человеческая, настал день смерти», и прочая.

Все это я видел своими очами, и благодарю Господа Бога, что меня встревожило на чуждой стране, что не видел смерти родных своих. И то иногда от ужаса падал в обморок – только и помогал Бог да масло деревянное, ибо как сердце станет хватать, то немного масла выпьешь и тот же час почувствуешь легкость.

36. Родители писали, чтобы все бросал имение и поспешал бы домой, но уже это было поздно; вот и прошел я такой огонь, где много тысяч было пожато серпом смертным, но я все-таки оставался в живых; ибо Господь меня сохранял. Наконец, и меня поразила стрелой ангел смерти, но не так очень сильно; другие умирали в несколько минут, и я также был на волоске жизни, но помощью Божию возвращен к ней²⁰.

Ибо во один вечер ехали мы с двоюродным братом очень на хорошем экипаже, что мне случилось первый раз. Я говорю брату, что первый раз я еду на таком экипаже, да и послед-

¹⁸ Зачеркнуто, карандашом или чернилами сверху надписано слово «почти»; затем исправления затерты.

¹⁹ Ефрема Сирина. Часть 6, глава 62, в русском переводе.

²⁰ Фраза «и я также был на волоске жизни, но не так очень сильно» дописана между строк другим почерком, вместо заключенной в скобки «и меня также взяло и отпустило».

ний, ибо чувствую себя нездоровым очень; а он это почел за шутку. Однако приехали на квартиру и легли спать, хотя я чувствовал боль, но слабую. Потом, проснувшись, мне сделалось очень худо, я испугался, засветил огня, начал молиться Богу и начал было читать Псалтирь, разогнув его; у меня сделалось кружение головы, и я не мог читать молитвы²¹; сложив книгу, надев тулуп, перекрестясь, упал на землю и заплакал; начал просить Господа, да избавит меня от напрасной смерти, да даст мне кончину с покаянием и со причастием Святых Таин и да даст мне исполнить свое обещание и послужить Ему, Господу Богу, во иноческом образе в пользу ближнего, и ежели останусь в живых, то уже в мире больше жить не буду, – и тако молясь, заснул (видно, меня отпустило; а прочие спят без просыпу). По утру, встав, увидели, что лежу посреди полу, испугались и подумали, что уже мертвый.

Я же, проснувшись, простонал; они спросили, здоров ли²². Я сказал, что здоров²³ и внутри тяжелого не чувствую. Они подняли меня на руки, и я мало-помалу начал прохаживаться, но хотя было и полегче стало, однако после стало хуже и хуже; наконец, достиг к смерти и пожелал причаститься Святых Таин Тела и Крови Христовой и исповедаться; и просил, чтоб свезли меня на часовенный двор к нашему священнику, беглому попу; вот, приехав, двое повели меня к крыльцу под руки. Выходит поп, и я кланяюсь и показываю ему в руке деньги, рублей 25. Он же закричал, как зверь: «Ступай отсюда, уже много вашего брата здесь подохло. Я было начал кланяться, а он еще громче закричал. Я сказал: «Везите меня домой – это не пастырь, а волк». Приехав на квартиру, положился умереть без причастия; а к православному священнику идти уже забоялся и просил Господа Бога, да устроит и спасет меня сам. Потом мало-помалу выздоровел.

37. Мор и болезнь прекратились, и мы очень хорошо торговали, но меня уже ничто не веселило, и я, по окончании дел, хотел было уехать в монастырь; но любовь к родителям еще повлекла домой. Приехав домой, уже был дома как странник: любовь к родителям и ко всем родным охладела, и дом стал неприятен; разговоры, прения и даже собрания у меня все прекратились. Хотя я был от природы самого веселого характера; но во всю зиму не видали меня, чтобы я когда улыбнулся; но только у меня было и помыслов, как бы мне вырваться из сетей мира; и даже положил в своем уме, чтобы до смерти ни с кем не иметь прения о вере, потому что эти прения очень огорчают душу, потому что никто сам себя от Писания оправдать не может, потому что по Писанию и по правилам святых отец все мы не правы и сбились с дороги. Но удалиться вознамерился в самую внутреннюю пустыню и единому Богу²⁴ плакаться грехов своих, авось, Господь, может быть, умиосердится надо мной и помилует меня. Хотя и видел я, что уже недостаточна наша Ветковская церковь, но, однако, отстать от нее никогда и не подумал и положился при ней окончить жизнь свою, хотя и Православную Церковь я очень и не порочил, но обратиться к ней не думал потому, что видел в ней некоторые небрежения по службе церковной и другие мелочи, которые по тогдашнему моему мнению казались догматическими и позволенными, но Церковь любил, и наипаче в последний год живя в мире. Но в разбирательство никогда не входил о Великороссийской Церкви, что за какие вины мы от нее отлучились и какие наши старообрядцы находят в ней догматические погрешности, и каким образом она переменяла книги? Но все это оставалось вне моего любопытства и изыскания; хотя сами между собою, со старообрядцами, и любил иметь прения и изыскивать истину, но это, как мне кажется, была неизреченная Господня

²¹ Фраза «у меня сделалось кружение головы, и я не мог читать молитвы» дописана между строк другим почерком, вместо заключенной в скобки «и слов уже не увидел».

²² Слова «здоров ли» надписаны сверху другим почерком, вместо заключенных в скобки «жив ли?».

²³ Слово «здоров» надписано сверху другим почерком, вероятно, вместо «жив, слава Богу»; правка не ясна.

²⁴ Слово приписано на поле другим почерком.

благость ко мне, которая хранила меня от этого, чтобы в юном пылком возрасте, по неразумной ревности, не сказать бы чего жестокого на Христову Церковь и тем не похулить бы Духа Святого, в ней действующего, и тем не отлучить бы вечно себя от Бога; ибо похул ившим Духа Святого тяжкое от Бога есть изречение, что не отпустится им грех сей ни в сем веке, ни в будущем. Вот поэтому и хранил Господь меня с нею иметь прение.

38. В одно время вот со мной случилось какое происшествие: в одну ночь спал я в доме между родными и товарищами, что же, я просыпаюсь и вижу себя нагим совершенно, — хотя бы ниточка на мне была, — кроме одного креста. Я, видя сие, испугался и поднял все семейство. Все смотрел и на меня, удивлялись и ужасались, что это и как могло случиться, лежа между людьми плотно, и надобно было распоясываться и скинуть верхнее и нижнее платье, и едва нашли одежду, ибо она была засунута в углу позади постели. Много родные трактовали и не знали, что это за предвещение! А я признал сие за извещение от Бога, что так видно надобно мне обнажиться всего мирского и житейского попечения и обнаженному от всего мирского пристрастия работать истинно и усердно единому Господу Богу.

39. В одно время, ночью, шли мы с двоюродным братом, также юным; он, держась за мои руки, лобызал меня и горько плакал, и говорил сие: «Возлюбленный мой брат! Ты знаешь, что я люблю тебя с малых лет и уважаю тебя, и даже имею тебя за отца духовного и за наставника, то прошу тебя со слезами: поведай мне свою тайну сердца, ибо все мы знаем, что ты с малых лет имеешь великую любовь к Богу и стремление ко иноческой уединенной жизни, то откройся мне, когда ты полагаешь свое намерение привести в исполнение и оставить все житейское попечение, ибо и я такое же имею стремление и от тебя не отстану, и пойду вместе с тобою во след Христа, и ты будешь мне до самой кончины моей жизни предводителем и наставником». Я ему сказал: «Послушай, любезный брат Василий²⁵, хотя огонь любви к Богу и запылал в тебе, но на него я надежды не полагаю, ибо он скоро потухнет; твой огонь подобно селу или льну и сильно запылает, да скоро погаснет; потому говорю я это, что ты прежде сего никогда этого не говорил и я даже и не слыхал, чтобы ты имел желание идти в монастырь. Ты смотришь на меня, что я это имею стремление с малых лет, но вот и по сие время остаюсь в мире, да и боюсь, как бы не остаться и навсегда. Вот день за день, неделя за неделю время пролетает, а смерть этого не дожидается, как раз подоспеет. Но, впрочем, скажу тебе, что нынешним годом едва ли не исполню своего намерения и не совершу великого своего предприятия, но ты, ежели хочешь быть моим спутником по жестокому пути Евангельскому — во след Спасителя Иисуса Христа, то как я соберусь, и ты будь готов и поспешай ко мне, уже я медлить не буду — хотя бы нагому, только бы вырваться из мира.

Он же обещался все исполнить; и вот когда пришло время, я стал ему говорить, что я готов совсем, а он начал отлагать еще до времени и до другого года. Что же, я ушел, а он остался дома. После меня, чрез несколько времени, пришел он к нам в дом (это уже мне моя мать сказывала после) и много плакал обо мне, потом сказал: «Он и меня приглашал идти с собой, но я не согласился на это»; мать же моя, а его родная тетка, начала ему говорить: «Возлюбленный мой В., послушай ты меня, ибо я теперь осталась тебе вместо матери: ежели ты с ним совещался идти или давал обещание быть иноком и работать Господу Богу, то иди за ним и ищи его, а то тебе и счастья не будет в мире, ибо Господь уже тебя записал в книгу животную тогда, когда ты только мысленно дал обещание быть в числе работающих Ему». Он же сказал, что я не обещался этого. Что же, поживши после меня, женился и пожил немного — помер, оставив молодую жену и сына.

²⁵ Имя надписано сверху другим почерком.

40. Возвращаюсь опять к прежней своей повести.

Живши я дома, родные старались всячески меня возвеселить и ободрить, но не могли.

В одно время окружили меня. Отец стал говорить мне следующее: «Любезный сын, что ты делаешь над нами, что ты всех нас, своих родных, поверг в уныние, или уже ты положился уйти в монастырь, то я тебе решительно скажу, что ты этого и не помышляй, этого никогда не может случиться, ибо мы тебя не отпустим; а хотя ты уйдешь и без нашего благословения, то нигде от нас не скроешься, хотя бы ты ушел за границу, то и тамо найду, ибо мне все наши старообрядческие монастыри знакомы; в пустыню уйдешь – и там найдем, и оставь это свое намерение да живи дома. Не только одни спасаются монахи, можно спастись и в мире. Теперь скажи нам решительно, – ибо вот приходит время, нам надобно отправляться по делам нашим, – что ты будешь ли заниматься или уже нет?» Я ему ответил: «Возлюбленные мои родители! Вы знаете мое стремление и намерение с самых малых лет ко иноческой жизни, и уже полагал начала, но они успехами не увенчались, и хотя собираюсь ведь уже 8 лет, но все-таки живу дома. Но, конечно, я этого своего предприятия не могу оставить, и уже когда-нибудь надобно совершить его; но когда это исполню – неизвестно. Когда придет тот час, тогда я уже вас беспокоить и благословения вашего требовать не буду, хотя оно мне и необходимо нужно; но даже и не спрошусь вас, ибо, зная ваше на это неблаговоление и что вы не только не хотите дать благословение, но еще хотите преградить путь мне; но это ваше предприятие совершенно противно Евангелию и правилам святых отцов, и я пойду с одним Божиим благословением; а после, я надеюсь, вы и сами меня благословите и будете благодарить меня, что я это сделал.

Теперь еще посылайте меня и заставляйте меня, что хотите, – все с любовью буду исполнять ваше приказание. Вы не сомневайтесь в том, что я вас обижу, если уйду и возьму ваше имение; а если пойду, то не только вашего, но и своего ничего не возьму, ибо пойду совершенно Бога ради. Но еще вы сказали, что будете меня преследовать и искать; и думаете мне этим путь преградить ко спасению? Но я вам скажу, что я уже теперь не глупый, как был прежде, не только вы меня не найдете, но, может быть, несколько лет не будете иметь и слуху обо мне».

41. Живя в доме, я собрал книг порядочную библиотеку рублей тысячи на две и множество святых икон, ибо все мое было утешение в книгах и иконах. В одну ночь видел я сон, очень замечательный, будто бы стоял я на некоем поле, предстала предо мной девица неизреченной небесной красоты, лучи сияют от нее, яко солнце, и я весь от сладости ее растаял. Она сказала мне: «Вот я, твоя невеста», – и я от сладости ее гласа проснулся; и это осталось навсегда в моей памяти.

42. Потом родитель, выхлопотав пачпорт и дав много денег, отправил меня на торговлю. Вот были странные проводы, что все плакали до беспамятства; родителей уже положили на повозку без памяти. Они, проводив меня и приехав домой, три дни плакали и говорили: «Знать, теперь закатилось наше красное солнышко навсегда, видно, улетел наш ясен сокол, видно, он оставил навсегда свое теплое гнездо, видно, пошел летать по всему белу свету». Потом часто писали мне письма, наполненные жалости и горести; и я им писал письма утешительные, но они им не верили, а полагали, что я уже не возвращусь в дом, потому что всю зиму они меня замечали; но и я также уже не помышлял более возвратиться в дом свой и хотел было уехать в монастырь; нашел было товарища, но товарищ не поехал со мной; после я узнал, что он женился и пожил с женой полтора года и помер. Видно, Богато обманывать – не брата своего; а я обязался большими делами и расчетами, а их там окон-

чить невозможно, а надобно ехать домой, а так уйти забоялся, дабы не обидеть отца своего и не навести бы на себя клятвы родителей, и вместо спасения – погибели.

43. Потому, вместе с товаром, отправился домой. Прибыв в дом в самое заговенье Троицкое, нашел дом свой в жалком положении и родных почти всех больными.

Родитель всю дорогу меня искал, дабы со мной повидаться, но разъехались; и так не видались.

Я спросил родительницу, что у вас в доме очень неприятно. Она же села подле меня и взяла мои обе руки, а сама горько зарыдала и начала говорить: «О, возлюбленное мое чадо, послушай меня; вот что у нас в доме: как тебя проводили, и по сие время ежедневно у нас в доме плач; о чем плачем – и сами не знаем; всю весну ничего не могли делать, все из рук валится, да и только; а эти животные, кузнечики, куют во всех углах, да и только. Ох, какие-то Господь на нас хочет послать скорби великие: либо кто-нибудь из нас с отцом помрет, или дом сгорит, или иное что случится, а только нынешнее лето так не пройдет. Мы все, хотя не лежим в постели, но чуть едва ноги двигаем. Вот и тебя, слава Богу, дождались и увидели, но сердце мое ничего не возрадовалось».

Я ей сказал: «Возлюбленная моя маминька! Зачем прежде времени так себя убивать, еще и тогда можем наплакаться, когда приидут скорби; но и тогда не надобно себя скорбию очень убивать, а вполне предаться надобно в премудрые судьбы Божие, буди Его Святая воля; вы самые благоразумные, иногда и людей утешали, что без Божией воли влас главы нашей не погибнет. Конечно, уже вы теперь, может, позабыли скорби в юных ваших летах, первые шесть лет в замужестве, к которым вас Господь приучал. Ты сама рассказываешь, что ты взята из богатого дома своих родителей в дом своего мужа, а моего родителя, как вас родные разлучили на 3 года с мужем и как над тобой издевались, даже и били тебя безвинную; сама говорила, что по несколько раз на день омывала лице свое слезами; но вот родивши меня, излилась на вас благодать Божия, полились на вас Его милости, отделились вы от семейства; потекло к вам богатство тленное и сделались вы богатыми и славными, и вот уже 20 лет почти вы живете, благоденствуя, со дня моего рождения, не бывало вам ни скорбей, ни болезней; а только одно спокойствие и утешение. Ежели мы проведем в таком положении всю свою жизнь, то как же мы можем надеяться получить вечное Царство Небесное, ибо по Господню слову его наследуют только те, которые в мире сем препровождают жизнь свою в скорбях и напастях, ибо сказано, что нужницы восхищают Царствие Небесное; ибо в Царствие Небесное путь узкий и прискорбный, а то, пожалуй, как мы теперь живем, Господь и скажет нам: прияли благая в животе своем, то вы идите прочь отсюда».

Она же паки: «Милое мое чадо и любимое, конечно, это так; я и сама много слышала прежде это, но что делать будем: дух бодр, да плоть немощна; я и сама знаю, что блаженны те, которые в мире этом преходящем претерпевают скорби; даже иногда и завидовала; но теперь еще и скорбей нет никаких, а что-то изнемогла духом».

Я: «Дражайшая и милая моя маминька, возверзи всю сама себя в волю Господа Бога своего; Он пошлет скорби. Он и утешит вас; ибо враги на войне тогда только страшны, когда еще не начинали войны и не подходили еще близко, и когда вступят в войну, тогда и страха нет; так и скорби: тогда они кажутся страшными, когда еще не пришли, а как придут, то и будем терпеть, хотя и тяжело, но они нам будут учителями и наставниками. Только всего пуще надобно опасаться, чтобы не пороптать на Бога, дабы тем более не оскорбить Его благость. Хотя бы лишились детей своих или имения, но завсегда надобно помнить слова праведного Иова: “Господь дал, Господь и взял; буди имя Господне благословенно отныне и до века, яко же угодно Господеви, тако и бысть”».

Мать: «О, милое мое чадо! О, дражайшее мое чадо! О, сладость моя! О, утешение души моей! О, когда бы ты всегда услаждал горестную мою душу и держала бы я тебя завсегда

в своих объятиях, и лобызала бы тебя, мое милое чадо, то бы мне с тобой и скорби – не скорби и болезни – не болезни, и смерть бы с тобой красна; но того-то мы и боимся, чтобы ты нас не оставил, пусть бы пропало наше имение, пусть бы лишились мы дома, пусть бы мы лишились даже и своей стороны, но только бы ты был с нами, то все бы ничего, и все бы перенесли спокойно и благодарно. Но то-то наша и скорбь и беда, что на тебя-то не имеем надежды.

Ох, Боже мой! Лучше бы нам тебя не рождать, но, родивши, лучше бы тебя еще в пеленах похоронить, дабы не терпели мы с тобой живой разлуки, ибо ты наш сын, ты и наставник наш. Ох, истину скажу тебе, что ежели ты оставишь нас, то мы скоро со скорбию сойдем во гроб, но клятвами тебя не связываем, а только упрашиваем тебя; а ежели не послушаешь, то Господь с тобою; потому что мы со скорби скоро умрем».

Я: «О, возлюбленная моя мати! Зачем ты такие для сердца моего горестные говоришь слова, которые пронзают мое сердце. Послушай меня, что я буду тебе говорить: скажи мне, кто меня вам дал и по какому мановению я зачат во утробе вашей? Ты сама скажешь, что Господь Бог меня вам дал, то Господь Бог и имеет полную власть взять меня от вас, ибо Он владеет животом и смертию, то хотя я и буду с вами, но придет смертный серп, подкосит меня и возьмет к себе; вот у вас и сына не будет. Как прошлого года на одной ниточке была жизнь моя, и вот давно бы уже не было меня. Но, может быть, Господь только и оставил для того, чтобы послужить Ему во иноческом образе; то для чего же вам убивать себя такою скорбью; неужели я первый начинаю этот путь? Ты знаешь, что есть тысяча примеров: первые апостолы оставили дома, родителей, жен и детей, ибо Сам Господь сказал, что аще кто любит отца или мать паче Меня, несть Меня достоин; а потом мученики и все преподобные отцы все почти оставили дома и родителей. Наполнены все книги этими примерами: Четьи Миней, прологи и синаксари. Еще примерно тебе скажу: а что, ежели бы тебе Господь Бог сказал: “Дай Мне сына, а я тебе дам Царство Небесное”, – то согласилась ли бы ты на это?»

Она ответила на это: «Как бы не согласиться?»

Я паки начал говорить: «То о чем же вам очень скорбеть и плакать; я вам ручаюсь, что ежели я уйду в монастырь, то вы за это получите Царствие Небесное, да еще радость к радости, ежели бы Господь привел и мне к вам попасть и быть вечно в радости и веселии. О, какое это утешение, пусть бы на малое время в жизни этой и разлучиться, а там бы вечно вместе радоваться.

Еще скажу, хотя бы и случилось это, что я вас оставлю, но я вас оставлю не престарелых и не одних, и не в нищете; Слава Богу, вы еще в самых силах, детей у вас еще останется и имения довольно, ежели Господь не отнимет, то до смерти его достанет; о чем же очень вам так скорбеть и сокрушаться. Но и то еще, Бог знает, уйду ли я в монастырь или нет. Вот уже десять лет собираюсь, а все еще дома живу, а хоть и совершу свое предприятие, то вы сами знаете, что я назначен на служение Богу еще прежде зачатия во чреве и еще ты не была замужем. Когда так, то зачем же очень о мне плакать, надобно вам радоваться, что сын ваш пошел не на худные дела, а на служение Богу. Вот мне воистину тяжело: оставить дом и имение и с вами, милыми родителями, на всю жизнь сию временную разлучиться, и не видеть вашего лица, также со всеми родными и друзьями, и идти неизвестно куда, странствовать по свету во всю свою жизнь. Проведя жизнь в богатстве и в нежном воспитании и быть самому последнему из нищих, но и то любовь Божия превозмогает, ибо знаю, что все на сем свете хорошо и приятно, а наипаче в кругу родных, а все тленно и скоро проходит. Все-таки скоро или нескоро, поздно или рано, а надобно разлучиться и все оставить. Который я предназначаю себе путь, хотя и кажется неудобноносимый и сверх естества человеческого, но зато по окончании этого пути какая ожидает награда, и награда вечная, которой весь мир сей недостоин единой вечной капли».

Мать: «Милое мое чадо, конечно, это я давно и сама знаю, что ты назначен на служение Богу еще прежде зачатия, и это знаю, что я тебя родила не так, как прочих детей, и это знаю, что за здешние труды и подвиги какая ожидает награда; но не о том мы сокрушаемся и плачем, что ты хочешь идти работать и служить Богу, об этом точно бы нам надо радоваться, но мы плачем; а о том, как мы можем с тобой разлучиться и не видеть твоего прекрасного лица, и не слышать твоих исполненных сладости словес, и не получать от тебя писем, и даже не иметь о тебе никакого слуха; вот для нас что очень скорбно и невыносимо. Видишь, какого тебя Бог нам дал: лицо твое ангельское, прекрасное и веселое, ум твой необыкновенный, слова твои сладкие, паче меда, ибо не только ты нас привлек к себе любовью, но и чужие, кто тебя только знает, все до бесконечности любят; по улицам нельзя пройти, всякой спрашивает, что от Пети давно ли получали письма – жив ли он, здоров ли он? Ежели чужие так о тебе сожалеют, а нам же, родным, как тебя не сожалеть и не любить. Да еще более этого о тебе мое соболезнование и печаль, что как ты пойдешь на чуждые страны странствовать и бедствовать; натерпишься холоду и голоду, воспитанный в самом нежном виде и в богатстве; мы будем жить в роскоши, а ты, может быть, не будешь иметь куска хлеба. Да и еще о том я очень соболезную, что как ты будешь препровождать свои молодые лета на чуждой стране, ибо к плотским страстям и похотям еще только приближаешься, а лицо твое прекрасное и привлекательное, очи твои веселые, слова твои сладкие, то тысячи на тебя будут устремлять взоры, которые будут соблазнять тебя; как же ты в таких летах можешь против всех соблазнов устоять; вот это больше меня беспокоит и оскорбляет мою душу».

Я: «Конечно, милая моя маминька, я и сам это знаю и чувствую, что весьма это трудно будет вынести, но уже, видно, для этого не раздумаю и не отложу своего предприятия; но, возвергнув всю свою надежду на Господа Бога, надобно начать этот трудный путь, хотя для вас это и скорбно, а для меня еще скорбнее, но необходимо».

Что же, все сидевшие в доме родные и до сего времени слушавшие наши разговоры вдруг вскочили и охватили меня со всех сторон, сделав великий плач и клич, так что обмочили всего меня слезами, что едва я мог их успокоить. Набежало полон дом народу, полагая, что кто-нибудь помер. Вот последний раз оплакали они меня и больше уже многие меня и не видали после до смерти. Мать положили замертво на постелю – едва очуствовалась.

44. На другой день, пообедав, начал я собираться на базар для принятия со склада товаров и расчета рабочих и один зашел в свою молитвенную храмину, помолившись Господу Богу и приложившись к иконе Божией Матери древней, препоручил Ей самого себя и омыл слезами лицо свое, ибо последний раз я помолился в своей моленной и полюбовался на свою библиотеку, которая составляла в жизни моей все утешение, ибо я уже больше не бывал в своей моленной и еще раз прошел по всему дому своему и простился с ним; но как было сердцу моему очень больно, то несколько раз от обморока садился я на стулья. Но от родных всячески старался это скрыть, хотя слезы по лицу и катились струями; родительница спросила: «Когда же придешь домой и когда нам тебя дожидаться?» Я в уме своем сказал, что никогда, а словами сказал, что дня через четыре буду, ежели с делами управлюсь, а то я больше не приду. Потом пошли меня провожать; хотя они со мной прощались на четыре дня, но я прощался навсегда. Я пошел один, а родные все остались. Я первый раз оглянулся, они все стояли и смотрели вслед меня. Потом вдруг послышался плач и крик. Я оглянулся – они все: которые лежат на земле, которые, ухватившись все, оплакивают меня; не знаю, что им пришло на ум; а я, давай Бог ноги, и прибавил шагу; уходя, боялся, дабы меня не догнали.

45. Придя на базар, я принялся за дело принимать товар и отпускать; рассчитывать рабочих, оканчивать все документы и векселя, контракты и сводить счета, расчеты и отчеты,

дабы себя вполне перед родителями очистить. Я прожил шесть дней. Что же? Приходят сестры ко мне. Я спросил: «Зачем пришли?» Они сказали, что прислала маминька, почему ты долго нейдешь домой, очень мы соскучились и проглядели все глаза, тебя дожидаясь, и узнать когда придешь домой. Я им сказал: «Вам там делать-то нечего, так и беспокоитесь, а у меня сотни дел и поесть времени нет. Когда управлюсь с делами, то приду дня на три погостить, а то опять надобно отправляться».

И они пошли домой.

46. Я, между тем, шедши увидел в одной лавке сидящего послушника. Я сейчас подошел к нему, спрося, из какого монастыря и чей он. Он сказал, что такого-то купца сын, а живу в таком-то монастыре.

Я узнал, что немного отец его мне знаком, а родной дядя его очень знаком, так что торговые имели дела. Я его спросил, когда он намерен ехать в монастырь. Он сказал, что он бы готов хотя сегодня, но отец его не хочет отпустить и хочет заставить торговать. Потом взял меня в дом свой. Мать его меня узнала, кто я таков, и сказала мне: «Ты не сказывайся, что ты кто еси, а то муж узнает и тебя остановит, а ежели он тебя в лицо не знает, то кольми паче». Я сказал, что его знаю, а он меня не знает. Она сказала: «Ты скажись, что ты из-под монастыря, и проси нашего сына ехать вместе». Так и сделали. Придя, он спросил меня, откуда я. Я сказал, что из-под монастыря, и начал его просить, чтобы отпустил он сына в монастырь! Он же прежде не очень соглашался, но, устыдившись меня, отпустил. Мы начали собираться в путь. Я еще все оканчивал свои дела и сводил счета.

47. В субботу мне сказали, что мать моя ищет меня, и я увидел ее, она начала говорить мне со слезами, что ты нас позабыл, уже мы ждали, ждали тебя и не могли дожидаться. Вот я сама приехала за тобой, теперь уже поедem домой. Я нарочно приехала на лошади.

Я сказал ей: «Я еще теперь не могу ехать, потому что дел у меня много; еще дня два здесь пробуду».

Она сказала и заплакала: «О, Боже мой! Что это такое деется, уже мы с тоски пропали, ждав тебя. Как ты хочешь, а я без тебя не поеду домой».

Я сказал: «Как хотите, маминька, а мне ехать теперь никак нельзя, ибо надобно все нужные дела покончить, с людьми учинить расчет и контракты все покончить, – тогда и приду домой».

Она спросила: «Когда же ты пойдешь, то я коня за тобой пришлю».

Я сказал: «Не знаю, в понедельник отправлюсь ли, а во вторник непременно, а коня не присылайте, я и пеший приду, здесь недалеко».

Она сказала: «Проводи же меня, хотя немного».

Я проводил ее; она стала прощаться со мной, ухватясь за шею, у нее руки так и обмерли около меня, а сама зарыдала, говоря: «О, что это такое; видно, уже мне тебя не видеть больше, я не могу тебя отпустить, потом, облобызав мои уста, очи, голову и щеки, отпустила меня. Я уже не мог ей от болезни сердца моего ничего говорить. Только последние тихие слова сказал: «Маминька, прости меня и благослови». Она сказала замирающим голосом: «Господь тебя простит и благословит, милое мое чадо, только поскорее приходи домой».

Я ответил: «Хорошо». С этими словами расстались. Я пошел на базар, а она все стояла на повозке и смотрела вослед мне. Я несколько раз оглядывался и ей кланялся; я как оглянусь и поклонюсь, то она почти до земли мне поклонится; так я обращался, покуда стало не видно. Вот было последнее мое прощание с родительницею; уже иноком чрез семь лет опять увиделись.

48. А я пришедши начал поспешать окончанием своих дел. День хлопочу с народом, а ночь всю пишу отчеты, а последние три ночи не сжимал очей. В субботу простился с матерью, а утром в воскресенье все бумаги и документы кончил; еще написал письмо к родителям, связал их в платок и отдал в лавку, сказав: «Кто придет из дому, то отдайте этот платок с бумагами». Они спросили: «А ты куда хочешь ехать?» Я сказал: «Провожать товар и приказчиков», – потом пошел в дом своего товарища-сопутшественника; там пообедали. Потом сели на тройку коней и поскакали, а денег взял от всего имения только 25 рублей ассигнациями, которых мне достало только на три дня до монастыря.

49. Вот здесь я хочу сказать об этих тяжких минутах. Прошло уже почти 30 лет моего странствования; но только как вздумаю про них или вспомяну их, то не могу терпеть, чтобы не полились слезы из очей моих, и даже делается какая-то тоска, ибо невозможно найти никаких философических слов и пера, чтобы вполне выразить те горести, скорби и болезни сердца, когда я совершенно оставлял мир, родителей и родных, ибо целую неделю я не мог ни есть, ни спать; ибо враг мне целые миллионы представлял препятствий и невозможно-стей оставить мир. Когда вспомяну то горестное и тяжкое время, то прежде положу перо и омою лицо слезами, тогда уже буду писать и вспоминать те часы и минуты. Ибо этот огонь, который пылал во мне с малых лет ради любви к Богу, оставить мир, родителей и все, что есть в мире и идти работать Богу, и самое стремление мое – все погасло, и вся сила Божия и помощь на время оставила меня, и все желание мое, манившее меня работать Господу Богу, укрылось от меня.

Это была премудрость и благодать Божия, испытываемая мою собственную волю, дабы я не возгордился после этим, что это поприще начал сам собою и собственно своею волею; и вот показали мне те последние минуты, и до днесь завсегда воспоминаю, что кроме Божией помощи никто этот трудный путь не начнет и никто без Божией помощи, этой медной стены, которая разделяет мир от иноческой жизни, или лучше выразить, стену, стоящую между миром и Богом, разломать без Божией помощи не может; что же меня встретило здесь, что собираясь почти 15 лет в монастырь служить Богу, я позабыл про награду в Царствии Небесном вечную и про мучения во аде; мне уже на ум не пришло.

Что же случилось: когда я сел на тройку коней и сказал извозчику: «Погоняй как можно скорее», – то вдруг как покров Божий, до тех пор покрывавший меня, снялся с меня, и я почувствовался, что я еду, вдруг говорит помысл: «Куда же ты это поскакал; это уже ты не торговать поехал, но отправляешься ты на всю жизнь свою страдать и странствовать по свету, – поехал ты, и сам не знаешь куда. Как же это ты пустился в такое великое море, не видя никакого пристанища; какой же ты бесчеловечный, оставил милых своих родителей, которым ты дороже всего света. О, ты безжалостный! Как ты заставил их плакать и скорбеть на всю свою жизнь, которые тебя имели наследником всего своего имения. Ты оставил нас с малыми детьми плакаться; годы их уже не к молодости. О, ты безжалостный, это бы и чужие не сделали. Вернись, вернись скорее домой, покуда еще этого никто не узнал и еще недалеко отъехал. О, безумный ты человек, на что оставил столько родительского имения, которому ты законный наследник и был с малых лет сам хозяином и повелителем людей, и завсегда были полны карманы денег, и все это ты оставил, поехал на чужую сторону, и сам не зная куда. Будучи последним работником и странником, не имеющим где главы подклонить. Подумай и ужаснись этого бедствия, которое ты теперь навлекаешь на себя. Вернись, вернись скорее домой – долго не раздумывай. Подумай хорошенько, безумец, безжалостный, ты; и уже ты никогда больше родителей и родных не увидишь. О, горько тебе будет это перенести. О, безжалостный, подумай, как родители и родные, когда узнают, что ты ушел совсем, и будут плакать и тосковать, и, может быть, со скорби и печали родители помрут, – это Бог все спросит с тебя», – и прочая множество, неисчислимое представилось мне препятствий, возбраняю-

щих мне начать этот трудный путь. Я от малости весь растаял; лежавши в повозке, несколько раз вылезал сказать извозчику, чтобы вернуться. Посижу да подумаю, что ежели я теперь вернусь и не исполню своих предприятий, которые я стремился и обещался исполнить быть иноком, то уже, конечно, аминь, навсегда останусь в мире и погрязну в мирских попечениях. Подумав это, я опять ринусь в повозку, а товарищ мой спит, да и только; а я в такой нахожусь борьбе и в смущении, что никакого нет терпения: то бросит в жар, то в озноб, то вылезу из повозки да похожу, то хочу вернуться, то прихожу в ужас, то простираю руки своего сердца к Господу и говорю Ему: «О, Господи Владыко, Человеколюбче, Боже мой! Вот теперь пришла минута подать тебе помощи руку мне, начинающему неудобопроходимый путь, наложившему себе бремя, которое не могу я один без тебя поднять, аще ты, Господи, теперь не дашь мне руку помощи, то навсегда я останусь в мире и погибнет душа моя в сетях мира; Господи, тебе известно, что я начинаю этот путь не для чего-либо мирского, но только для Твоей любви, ибо послушал Твоих Божественных словес, что ежели кто хочет быть Твоим учеником и последователем за Тобою, той должен оставить все: дом, родителей и имение – и идти вослед Тебя; и Ты, Господи, еще прежде зачатия во утробе матери моей назначил меня себе во служение, то пошли мне теперь помощь Твою, а то я никак не могу этого начать своими силами, ибо жалость к родителям и дому совсем снedaет меня и останавливает, ибо за утро я должен возвратиться домой, и больше уже вынести не могу».

Потом как начало меня вертеть в уме, то жалостию о доме и о родителях, то паки утешение и радость, что вырвался из миру; и так, слава Богу, проводил первую ночь в пути. Выезд мой – 12 число июля, преподобного Михаила Малеина. Но, однако, до монастыря не мог пищи употреблять; и на квартирах везде меня замечали, что есть у меня какая-то скорбь великая.

Когда прибыли в монастырь, слава Богу, мне стало полегче; я стал позабывать несколько; начал похаживать на клирос почитать и попевать. Пожив в монастыре два месяца и узнав, что очень близко к дому, то родитель тут может о мне узнать и взять меня домой и нехотяща, то я и вознамерился удалиться уже в дальние страны, чтобы и слуху про меня не было. Вот выйдя из монастыря, я отправился в далекое странствие пешком, а сума у меня была очень тяжелая, ибо я взял много книг с собой, потому что я не думал, чтобы мне далеко уйти; так, чтобы около дома – во внутреннюю пустыню; но так не случилось. Пошел в дальний путь, а денег почти ни копейки, и что у меня было, то все я продал за полцены.

50. Вот я пришел в город ночевать. Из этого города пошли две дороги – одна к нам в город, а другая – в противоположную сторону, что же случилось? Вдруг мне помысл: «Теперь уже пожил в монастыре, и довольно. Воротись домой, полно тебе ходить, ты знаешь, что уже два месяца, как ты из дому; уже сколько родные пролили о тебе слез. О, как ты их теперь утетишь, – это уму непостижимо». Опять представились мне все горести, ужасы и невозможность – иди домой, да и только; всю ночь провел без сна – все боролся с помыслами. По утру на другой день, был день воскресный, всю ночь хозяева промолились Богу, то читали псалтири, то каноны, то делали поклоны, хотя были и Православной Греко-российской Церкви и бывали в Киеве. Потом я отправился в путь, но, однако, не домой, а все-таки вдаль; но по улице я не могу идти, да и только, как бы опутан я железными цепями и десять пудов на шее; отойду сажень пять, да и сяду, посижу да и опять-таки вперед, а врага обманываю, говоря: «Хотя только побываю в Киеве и поклонюсь святым мощам, да и домой»; но нет, его, видно, не скоро обманешь, не могу идти, да и только; меня спрашивают: «Или, молодец, ты нездоров?» Я говорю, что нездоров. Кое-как я добрался до заставы и только лишь прошел заставу, – О, великие чудеса, – я как бы выпутался из сетей или из оков, или птичка из клетки; почувствовал необыкновенную легость, так что почти побежал бегом; отошел верст 30 и ничего не устал. Пришел в село, там только что еще начинают благове-

ститъ к Литургии; я узнал, что тут освящение храма, и это я принял за особенное Божие извещение к продолжению начатого мною пути. Хотя церковь была и православная, но я уже тут про веры говорить оставил, а искал только пустыни, и так далее я начал продолжать свое странствие.

51. Теперь скажу несколько слов и о родителях, и что случилось дома после меня, это уже мне рассказывали сами родители после семи лет моего странствия:

По отбытии моем, в понедельник, мать посылает в город сестер на лошади, и без меня чтобы они и домой не ездили, а дождались бы меня. Они, приехав, всюду меня ищут и спрашивают, кто не видал ли его. Пришли к дяде в лавку, и им вручают платок с бумагами. Они спрашивают: «А где он сам?» Им сказали, что поехал провожать товары и приказчиков. Потом встречаются другого дядю и его спрашивают, что не видал ли где братца? Он сказал, что я сейчас от товаров и видел ваш товар и приказчиков, а его там нет. Они везде меня иска ли и всех спрашива ли, но не наш ли. Принуждены бы ли возвратиться одни без меня. Что же, мать их встретила на пути еще, спросив их: «Где же Петя?» Они сказали, что не могли его найти, только вот он оставил платок с бумагами, а сам, говорят, уехал провожать товар, но и там его не видели. Мать же вскричала: «Как, оставил бумаги?» Потом оградила себя крестным знаменем, попросила холодной воды, а сама упала на землю; полежав, встала и сказала: «Молитесь о мне Богу и ведите домой меня». Придя домой, немедленно послала за соседом прочитать и разобрать бумаги.

Развязав платок, начали разбирать. Вот она схватила одну новую бумагу и сказала: «Читай, что это за бумага». Вот он начал читать следующее:

«О, дражайшие паче всего света, милые мои родители! Тятенька С. Д. и маминька Ф. Г., во-первых, припадая к стопам родительских ног ваших, со слезами прошу вашего родительского благословения на всю мою маловременную жизнь. О, дражайшие мои родители! Пишу вам сие, всякой горести исполненное письмо, и письмо, может быть, последнее. Припадаю к стопам вашим еще, и со слезами прошу прощение, простите меня Господа ради за таковой дерзкий мой поступок, которым нанес вам несносные скорби, на всю вашу жизнь – простите и не клените; ибо вы знаете, что я любил вас и любить не перестану; и то вам известно, что имел я непременно желание, ради любви Господа моего, оставить вас на всю жизнь и идти работать Господу Богу во иноческом чине. Вот, наконец, пришел час, когда я должен совершить свое желание и начать узкий и прискорбный путь, вводящий в жизнь вечную; вот и отправляюсь в странствие на всю сию временную жизнь и не могу вам сего сказать, что приведет ли Бог нам видеться в этой жизни или нет, Бог только о том знает, но я сам уже не имею надежды; но вы знайте, что я не оставлял вас, а только иду зарабатывать для вас и для себя спасение, которое необходимо нужно для всех нас.

Скажу вам, что вас теперь не обидел – денег с собой взял только 25 рублей, которых мне достанет ненадолго; прилагаемые здесь бумаги все рассмотрите хорошенько – тут есть и нужные векселя; также прилагаю все мои счета и отчеты за весь год. Которым я состою должным, за краткостию времени не мог отдать, то, прошу вас, всем отдайте, а которые остались мне должными, то получите, но которые не имеют чего отдать, то простите. Я с собой беру немного одежды и книг, а прочее все вам оставляю.

Со слезами прошу вас: не браните меня, а молитесь за меня Господу Богу, чтобы укрепил меня в начатом мною пути и совершить бы Господь помог его до конца. Конечно, хотя много я причинил вам скорби, но все-таки меньше, нежели себе, ибо вы остались в доме своем, вокруг родных, на своей стороне, при имении, но я один-одинехонек ввергаю себя в бездну всяких скорбей, – Бог мне помощник будет во всех скорбях моих, ибо я для любви Божией все сие предпринимаю.

Прошу вас не преследовать меня и не искать, ибо не на то уже я решился, чтобы вы нашли меня, но полечу в отдаленные страны, чтобы и слуху обо мне никакого не было.

Всем родным и знакомым свидетельствую по земному поклону и прошу не плакать обо мне, но молиться Господу Богу.

И так, дражайшие мои родители, испросив вашего родительского благословения и святых ваших молитв и пожелав вам от Господа Бога терпения в наступивших скорбях ваших, остаюсь и отправляюсь в невозвращенный путь на всю жизнь мою в странствие, предназначенное мне Богом прежде рождения моего.

Родной ваш сын П. С. Е.»

Когда же начали читать сие письмо, то все бывшие в доме не могли стоять на ногах – попадали на землю, и отец не мог тут читать. Вот пошла потеха: собравшиеся все сродники плакали безутешно, хотя родительница и хотела показать мужество, но не могла, и с печали легла в постель. Дяди писали отцу это происшествие, случившееся в доме, и он немедленно поспешил домой на почтовых. Приехав домой, нашел всех лежащими в постелях больными. Вот он показал мужество, начал уговаривать и увещевать; и так, мало-помалу, стали позабывать; и так потекло время; только не проходило ни одного праздника и пира, чтобы прежде общими слезами не оплакали меня.

Но что же, моим отсутствием еще скорби их не окончились, но полились на них, как река, ибо, прожив после меня один год еще, слава Богу, но потом как пошло богатство из рук их и пошли убыток за убытком, беда за бедою, одна еще не прошла – другая уже наступает. Что же! В два года лишились всего своего имения! Отец возвращается домой уже без копейки, только надеется еще на дом и что есть в доме; но приехал на место, где был дом, там одни только угли и пепел – все сгорело пред приездом его. Он же, увидя сие, заплакал и поблагодарил Бога за все. Потом, узнав, что семейство его живет у его двоюродного брата, поехал туда. Приехав, поздоровался с супругой, узнав друг от друга, что у них не осталось ни одной копейки, отец засмеялся, а мать заплакала. Он сказал ей: «Глупая, о чем же плакать, ведь Господь все нам дал, все и взял опять, буди воля Господа; а еще все Иова праведного над нами не свершилось – надобно мне еще на этом навозе полежать больному, показывая на навоз; ибо они жили на дворе под сараем». Мать говорит ему: «Ты в таких скорбях, а еще шутишь». Он сказал: «Какая это шутка?» Что же, с этого слова и сделался болен. Лежал на навозе больной, в горячке, довольное время. Семейству было есть нечего. Мать взяла мешок и пошла к деверю попросить милостыни, а сама идет путем, слезами обливаясь; прежде сама подавала милостыню, а теперь сама пошла просить милостыни; но пошла просить к родным, к своему зятю, за которым была его сестра; что же, он попадает ей навстречу и спросил ее, куда она пошла. Она же сказала: «К вам просить милостыни». Он сказал: «Как просить милостыни! Разве у вас есть нечего?» Она сказала: «Ты сам знаешь: имение все пропало, дом сгорел со всем имуществом, а сам хозяин при смерти лежит на навозе, а денег нет ни копейки, а хлеба – ни пылинки, ни куска». Он заплакал, очи возвел горе, сказав: «О, Боже, Боже наш, что это за жизнь превратная, что это за суета непостоянная, что Ты с нами делаешь и как Ты нами повелеваешь, то вниз, то вверх колесо жизни нашей обращаешь».

Потом сказал ей: «Иди ты домой, я пришлю вам», – и прислал целый воз разных съестных припасов.

Потом родитель выздоровел и видит во сне, что кто-то ему говорит, что сын ваш пришлет денег на дом. Они это почли за мечту и обман, потому что знали, что у меня денег не было. Что же, после пожара оставшиеся бумаги начал перебирать – попадаетеся ему целая расписка, по которой он должен получить около 500 руб. денег. Он немедленно протестовал и в скором времени их получил все сполна, и на эти деньги выстроили дом; этим очень были утешены и благословляли меня заочно. Родитель после поступил во служение к сво-

ему свояку. Но в одном городе увидел его один любимый и богатый друг, прежде не узнал, а потом спросил: «Я вас признаю как бы знакомым». Родитель сказал: «Как же я не знаком, еще друг вам». Тот ужаснулся и сказал: «Что это с вами случилось?» Он ответил: «Тако Богу угодно было: прежде сын оставил – ушел Богу молиться, потом всего имения лишился, а после и дом сгорел, со всем, что в нем было». Друг же взял его за руку и сказал: «Ну, любезный друг, приходи ко мне в такое-то время – я помогу тебе». Дал товару на большое количество денег, и с этого часу опять пошел в гору своей жизни; опять нажили большой капитал; а через семь лет и меня увидели, но через десять лет своего благоденствия опять Господь всего лишил, даже и дому, и необходимые обстоятельства заставили оставить и свою сторону; и на чужой стране родительница собирала и просила милостыню – тем несколько времени и пропитывались. Потом опять нажили имение и дом и опять увидели меня. Я несколько времени проживал у них в доме и в это время уже обратил их всех из раскола к Святой Христовой Церкви.

После опять всего лишились: имения и дому, даже последних своих птенцов, на которых была их надежда, что успокоят их старость, и родительница от слез совершенно ослепла. Эти скорби были уже последние, предсмертные, уже в них и скончалась.

Ублажает Священное Писание Иова праведного за претерпенное им искушение без роптания; но хоть праведный Иов и притерпел великое искушение, но единожды, а после уже в благоденствии и в богатстве, которое еще усугубилось против прежнего, и в кругу родных, детей, внучат и правнучат окончил жизнь свою.

Но родители мои трижды были искушены, подобно Иову; наживали и лишались всего имения и дому, и детей; наконец, своей стороны – и в этих скорбях и искушениях, и не между родными, но между чужими людьми, окончили жизнь свою, и никогда на Бога не роптали; но от великих скорбей имели утешение – только слезы, даже от них и ослепли; не только чтобы пороптали на свою участь или на Бога, но один другого беспрестанно утешали и даже благодарили Господа Бога, что он так их возлюбил, даже и я им удивлялся: когда в последний раз стали прощаться с нами, то не только не плакали, но еще и нас утешали, когда мы о них сожалели и плакали. Они нам говорили: «Просим вас не плакать о нас, ибо мы так к скорбям привыкли, что они нас даже утешают; но и жить осталось нам немного, уже как-нибудь Господь нас подкрепит провести это время».

Прожили после нас одиннадцать месяцев и скончались на одном месяце: родитель – 28 апреля 1848 года, а родительница – 23 мая того же года. Я в то время проживал в Томске; но кончины их самые минуты Господь мне открыл, хотя и был я от них на расстоянии пяти тысяч верст, еще слишком от Молдавии до Томска. Это будет сказано в своем месте; а здесь надобно мне опять возвратиться к началу моего странствия, как я вышел из града, из которого чуть не вернулся обратно в дом.

52. Вышел я из града, и Господь послал мне Свою помощь. Я отошел 30 верст, как на крыльях, пролетел. Пришел в село, где еще только благовестили к Литургии, – там было освящение храма. Это я принял за особенное милосердие Божие.

53. Наконец я достиг города Кишинева, где нужно было мне переменить паспорт и взять другой, чтобы мне было свободно странствовать по всей России. Для этого потребовалось мне довольно число денег, а у меня нет ни копейки, – вот и встретило меня первое искушение. Я нанялся у купца во служение. Быв сам хозяином с малых лет, сделался работником; ох, тяжко, да еще из доброй своей воли. Взял у купца денег нужное количество и получил паспорт. Хозяин взял его к себе. Вот начал я проходить послушание у мирских людей. Купец был старообрядец одной со мной секты и очень меня полюбил: сделал меня не работником, а сыном своим, нашил мне к Пасхе самой лучшей одежды и весь дом пору-

чил мне в управление; всех приказчиков предали под мое смотрение; каждый день приглашали с собою кушать. У хозяев детей – одна дочь, невеста, и сын, который еще в пеленах. Вот со всех сторон приготовили для меня сети.

Наконец из старших приказчиков, наедине, говорит мне: «Ты знаешь, какое готовится тебе счастье? Хозяева велели тебе сказать, что они хотят за тебя дочь свою отдать и сделать тебя всему имению хозяином, ибо очень они тебя полюбили, а наипаче барышня, даже весь город будет тебе завидовать». Я ему ответил: «Скажи хозяевам, пусть они этого и не помышляют, ибо я положил намерение быть иноком и жить в монастыре, а о женитьбе я никогда и не подумаю». Потом сами хозяева призвали меня к себе и начали мне это предлагать и даже убеждать; каких они слов прелестных не наговорили, чего они не обещали, даже хозяин хотел весь дом мне передать по актам и на меня сделать все документы, а не на дочь, но я никак ни на что не соглашался. Потом начали меня посылать к разным людям, а там уже сказано, что мне говорить и как меня увещевать; вот беда, как бы сговорился весь город: женись, да и только; невеста мне проходу не дает – бросается на шею да ласкается. Вот беда! Вот искушение! Как Иосифу Прекрасному. Что буду делать; кровь кипит, а уже поддержать некому. Ежедневно на столе разные вина и закуски. Были все средства употреблены. Что только не было придумано; но я с Божиею помощью пребыл непреклонен, хотя немного было в помыслах и поколебался; но они со мной пять месяцев бились и ничего не сделали. Наконец употребили другие средства, уже возненавидели меня и каждую минуту начали меня бранить, и сделали меня самым последним из работников. Прошел я все послушания: был кучером и водовозом, свиней и птиц кормил, двор и нужные места чистил; был пастухом, коней и коров пас, да еще и босой, ибо не давали мне обуви. Потом паки начнут утешать и прельщать. В таком-то котле меня Господь искушал, а отойти было невозможно; то прельщают ласками, то опять горче прежнего тиранят. Все заставляли делать, что ни есть самое худшее: коров доил и молоко продавал на базаре; но нет хуже, как коней пасти – бегают, да и только, а коней было много, ибо хозяин держал почтовые станции.

54. Того же лета помер в Серковском раскольническом монастыре, в Бессарабии, начальник, как они называют, игумен, монах Симеон, то потребовалось сделать другого настоятеля. Для постановления нового игумена назначен был собор, на который приглашены и назначены членами из всей Бессарабии, Украины, из Херсонской и Каменец-Подольской губернии, из всех городов и сел старообрядческих: часовенные дьяки, уставщики, попечители, почтенные старики, богатые купцы и наш хозяин, назначенный также членом собора; а я был за кучера. Мы из Кишенева отправились на трех тройках, ибо расстоянием монастырь от Кишенева 80 верст. Мы посадили к себе дьяка и попечителя; на каждой тройке сидело по три человека. Набрали ящики с винами, водкою и ромом и разных закусок. Я над ними всю дорогу смеялся, называя их вселенскими учителями и пастырями: кого патриархом, кого митрополитом, кого епископом и судиями вселенскими. Сначала из Кишенева ехали хорошо, все уговаривались, что говорить на соборе, и какие установить правила, и как защищать себя, ибо они боялись сельских и деревенских сочленов своих, потому что их будут отлучать, что послабже живут, одежду и волосы на головах носят не по обычаю раскольников и т. п.; когда приехали на станцию, как мои патриархи принялись за бутылки, потом как напились чуть еле живы, беда да и только – бесятся, того смотри, что головы сломят, либо кого задавят, – кричат, шумят, коней бьют; вот было наказание, уже лучше б нужники чистить, нежели с пьяными ехать. Кое-как приехали в Ургиев город ночевать и всю ночь прошумели с ургиевскими купцами – гуляй, да и только. По утру поехали еще горче вчерашнего, хотя они и боялись, но, по крайней мере, все было любовно.

Приехав в монастырь, прежде хорошенько проспались, а там уже не одна сотня народу. Вот в назначенный день собора сошлись все на средину монастыря; я пошел любопытствовать, о чем будут говорить и что рассуждать, так как я имел эту охоту с малых лет – быть на соборах и говорить о догматах веры; но там было не то, как я любил; тут было над чем посмеяться, кто охотник, ибо были все подвыпивши немного, и был великий шум, крик и брань, что ничего нельзя было разобрать: один – то, другой – другое; а человека четыре поумнее видят, что тут хотя бы неделю кричали, – толку не будет; пошли и вывели одного монаха из старших который, едва уже ходит пьяный²⁶. Вышед к народу, закричали: «Полно шуметь – вот, поздравляйте нового игумена»; и все закричали: «Батюшка наш, поздравляем тебя с новым чином». Тут же выкатили две бочки: одну – с горелкой, а другую – с виноградным вином. С радости как загуляли наши соборные отцы, что двое суток пировали так, что в церкви и службы не было.

Потом кое-как я упросил, чтобы ехать домой. Стали на дороге опять пить, да уже всю дорогу бранились и несколько раз дрались до крови; мы, кучера, едва могли их растаскивать; однако до Кишенева всех не довезли, человек трех оставили на дороге, а то, того и смотри, что один другого убьют; вот было соборище, и соборище плачевное богобоязливому человеку, ибо ездили на собор только попить да погулять.

Вот здесь-то я еще повредился и поколебался в расколе: не такие ли соборы были на Ветке, которые утверждали нашу веру и которым мы последуем. Ежели так же, то явная наша гибель; не для ли этого Господь меня оставил на время пожить в Кишеневе, чтобы показать мне это соборище беззаконников.

55. И так, прожив у хозяина лето и заслужив все деньги, я взял паспорт. Попадается мне один монах из Стародубских слобод, был в Кишеневе для сбора и отправляется в Киев. Он взял меня с собой²⁷. Приехав в Киев, сходил в Лавру и в пещеры, приложился ко всем святым мощам и просил угодников Божиих о помощи мне²⁸, дабы безвредно переплыть житейское море и получить бы чин иноческий. Потом мой спутник поехал еще в сторону для сбора вниз по Днепру, в город Черкасы; мне, хотя и не очень хотелось туда ехать, ибо все мое желание – в Стародубские слободы, но делать нечего, надо ехать. Приехав в Черкасы, въехали прямо в монастырь женский, который стоит на краю города; я остался в монастыре, а спутник пошел собирать милостыню и не являлся целую неделю. Вот и здесь было дьявол готовил мне сети, но Господь избавил меня от них. Потом еще стояли неделю и в мужском монастыре, и мне весьма в нем не понравилось за слабость жизни и за бесчиние. В женском монастыре еще начальствовала сама основательница монастыря, а в мужском – уже второй настоятель; а первый обратился к единоверию и скончался в Корсунском монастыре единоверческом, Таврической губернии.

56. Видя слабость своего спутника, я разлучился с ним и паки обратно возвратился в Киев. Оттуда пошел в Стародубские святы монастыри, как я понимал. Пришел в Лаврентьев монастырь, там мне несколько понравилось, потому что братия больше из купечества и монастырский внешний чин порядочный. Хотя мне и понравился монастырь этот, но остаться в нем не мог – не хочет мое сердце, да и только. Потом отправился в монастырь Пахомиев, но там едва мог ночевать, потому что много соблазнился, а оттуда – в монастырь Макариев.

²⁶ Слово надписано сверху другим почерком.

²⁷ Это предложение дописано между строк другим почерком.

²⁸ Слово «мне надписано сверху другим почерком, вместо зачеркнутого «ему».

57. Из Макариева пошел я в Малинов остров, и шел один верст 30 все лесом; снегу напало столько, что дороги не видать и никто еще не проходил. Тогда было 7 число ноября. Пришедши к монастырю, я спросил: «Какой это монастырь?»; мне сказали, что беспоповщинский, Поморской секты. Был уже вечер. Я спросил: «Далеко ли монастырь Малинов остров?» Мне показали его недалеко, да пройти туда было невозможно: болото замерзло, а еще лед не поднимает. Хотя Малинов остров и не нашего толка, а попощинского, так называемого диаконовского, но мне все бы приятнее там ночевать, нежели у перекрещеванцев, несмотря на то, что они меня очень к себе просили укрыться у них от ночи. Я боялся их споров: как я пошел из миру, то обещался о верах ни с кем не спорить, а только избрать тихое и безмолвное место ради спасения. Однако нужда меня заставила взойти в монастырь, а наипаче спросил меня один юноша, уроженец города Кишенева, как бы земляк. Он привел меня к себе в келию, где я и расположился ночевать. Ходил я к вечерни, но едва простоял, потому что очень устал и духом был не спокоен. Поужинавши и пришедши в келию, легли спать, но старики-раскольники не дали спать: стали толковать о верах, ибо они обрадовались, что я к ним пришел; это-де наш, когда попался к нам. Я всячески упрашивал, чтобы дали мне покой; «Я, – говорю им, – в своей вере сомнения не имею». Хозяин, видя, что они не идут из келии, оскорбился на них, выгнал вон и запер двери, и мы уснули хорошо.

На утро был воскресный и праздник Святых Архангелов. Я ходил к утрени и часам, после обеда хотел было идти в путь, но меня мой хозяин задержал и просил, чтобы я сходил к их начальнику и поблагодарил за хлеб, за соль. Мне очень не хотелось идти, зная, что там без прения не обойдется; однако противиться не стал.

58. Настоятель всячески меня обласкал: «Вот, – думаю, – готовится сеть, которою помышляют уловить меня». Собралось к нему несколько братий, и он начал меня спрашивать, откуда я и куда иду; я ему рассказал все; он предложил, чтобы я остался у них навсегда жить. Я сказал ему: «Спаси, Христос, за все ваши приветствия и страннолюбие, но остаться у вас никак не могу».

Беспоповец: «Почему же ты не хочешь у нас остаться? Разве что ты у нас заметил худое?»

Ответ мой: «Потому что вера ваша от нашей совсем другая; в вашей вере я не имею никакой надежды спастись, а я для спасения души своей оставил дом, имение и родителей и свою сторону; вот поэтому и не могу у вас остаться».

Беспоповец: «То правда, что наша вера другая, но вера самая истинная, древняя христианская; ибо мы веру Христову держим крепче вас: у нас книги и иконы самые древние, такие напевы и чины церковные все соблюдаем старинные. Почему же ты сомневаешься спастись?»

Ответ: «В том я не сомневаюсь, что вы веруете во Христа и имеете древние книги и иконы, – это я вижу и сам. Но во Христа вы веруете только на словах, а на деле совсем не веруете Ему. Так же, хотя книги у вас и древние с иконами, но вы им не последуете и не творите того, что писано в книгах, ибо у вас нет ничего на деле, что написано в древних книгах».

Беспоповец: «Как ты говоришь, что мы веруем во Христа только на словах, а не на деле; разве у нас нет древнего Евангелия, разве мы его не читаем ежедневно, разве мы не читаем древних книг и не исполняем, что тамо в них написано? Ты сам сегодня стоял вечерню, утрени и часы; разве ты не видел, как мы все исполнили, что написано и что повелевает устав церковный?»

Ответ: «Как же не видать? Вы прекрасно по чину монастырскому все исправляете; но вера истинна я христианска я не в том только состоит, чтобы соблюсти чин и образ церковный по уставу святых отец и по чину общежительных монастырей, а в догматах веры,

которые должны быть согласны со словом Божиим и с учением святых отец. Хорошо содержать чин монастырский и образ и в единой Святой Соборной Христовой и Апостольской Церкви. Знаю, что вы и Евангелие древнее читаете ежедневно, но читаете его, кажется мне, на большее себе осуждение, потому что веру содержите совсем против Божественного Евангелия. Не имеете вы той Святой Христовой Церкви и в ней не пребываете, которую Христос основал и которую утвердил сими словами, что и врата ада ее не одолеют; не имеете святых церковных седми таин, без которых Церковь существовать не может; также не имеете лиц священного чина, которым Господь препоручил власть совершать в Церкви святые таины и которым препоручил ключи от Царствия Небесного, дав власть вязать и решить, а нам повелел их во всем слушать, сказав: “Слушай вас, мене слушает, а отменяя вас, мене отменяется, а отменяя мене, отменяется и посланного мя”. Вот по этому Господню слову вам спасение не надежно, потому что вы не имеете ни Церкви, ни священства, но от всего отступились и, стало быть, отступились от самого и И. Христа».

Беспоповщик: «Как мы Церкви не имеем? У нас Церковь есть и таинства церковные, хотя и не все. Разве стены называются Церковию? Святый Иоанн Златоуст в Маргарите сказал, что Церковь – не стены и покров, а вера и житие. Мы веруем во Христа и житие проходим строгое, поэтому нам спасение надежное».

Ответ: «Я и сам хорошо знаю, что Церковь Христова истинная – не стены и покров, а вера и житие, и какой безумец может сказать, что одни стены и покров, без истинной веры и догматов Церковных, могут быть названы Церковию. Хотя бы была и самая величественная храмина и украшенная, хотя бы и великие там были собрания, но ежели там нет веры истинной и догматов, согласных слову Божию и Церковному преданию, то та храмина или дом не может назваться Церковью, а называется или часовнею, или молитвенным домом, или каким-либо общественным собранием. И ваша часовня, в которой вы сегодня служили, не может именоваться Церковию, а только молитвенным домом, хотя она и величественна и много в ней икон, ибо в ней нет веры и догматов, согласных слову Божию, сказанному во Евангелии; она не освящена рукоположенными иереями, и даже нет в ней священников совершать богослужение; не приносится в ней истинная жертва новоблагодатная, Тело и Кровь Христова. И так нет у вас ничего: ни веры истинной Христовой, которая предана во Евангелии, ни жития по Евангелию, ни догматов соборных; не можете вы называться и христианами, и спасения надежды у вас нет».

Беспоповец: «Это так, у нас Церкви найти трудно, потому что нет священства рукоположенного и церковных таинств; но разве некоторые святые древние не спаслись без Церкви и без таинств, и без священства, и без причастия? И ныне разве не можно нам спастись без Церкви и без священства, и без причастия Тела и Крови Христовой?»

Ответ: «Воистину, никто не может спастись и получить Царствие Небесное вне Христовой Святой Соборной Апостольской Церкви, без священства и без причастия Тела и Крови Христовой. А ежели кто так мудрствует и утверждает, что можно спастись без Церкви и без священства, и без причастия Тела и Крови Христовой, тот явный еретик есть и противник Богу и божественному Евангелию, и всему Святому Писанию, ибо Церковь свою сам Христос основал на Петре, то есть на камени, ибо по-гречески “Петр”, а по-русски “камень”. Сими словами Иисус Христос означил, что утвердил Церковь свою на твердом и непоколебимом основании. Спаситель Сам изъяснил, что есть “на камени”. Врата ада не одолеют ей, сиречь, ни цари, ни учителя, ни ереси, ни расколы, ни сам диавол, со всеми бесовскими силами, одолеть ей не могут.

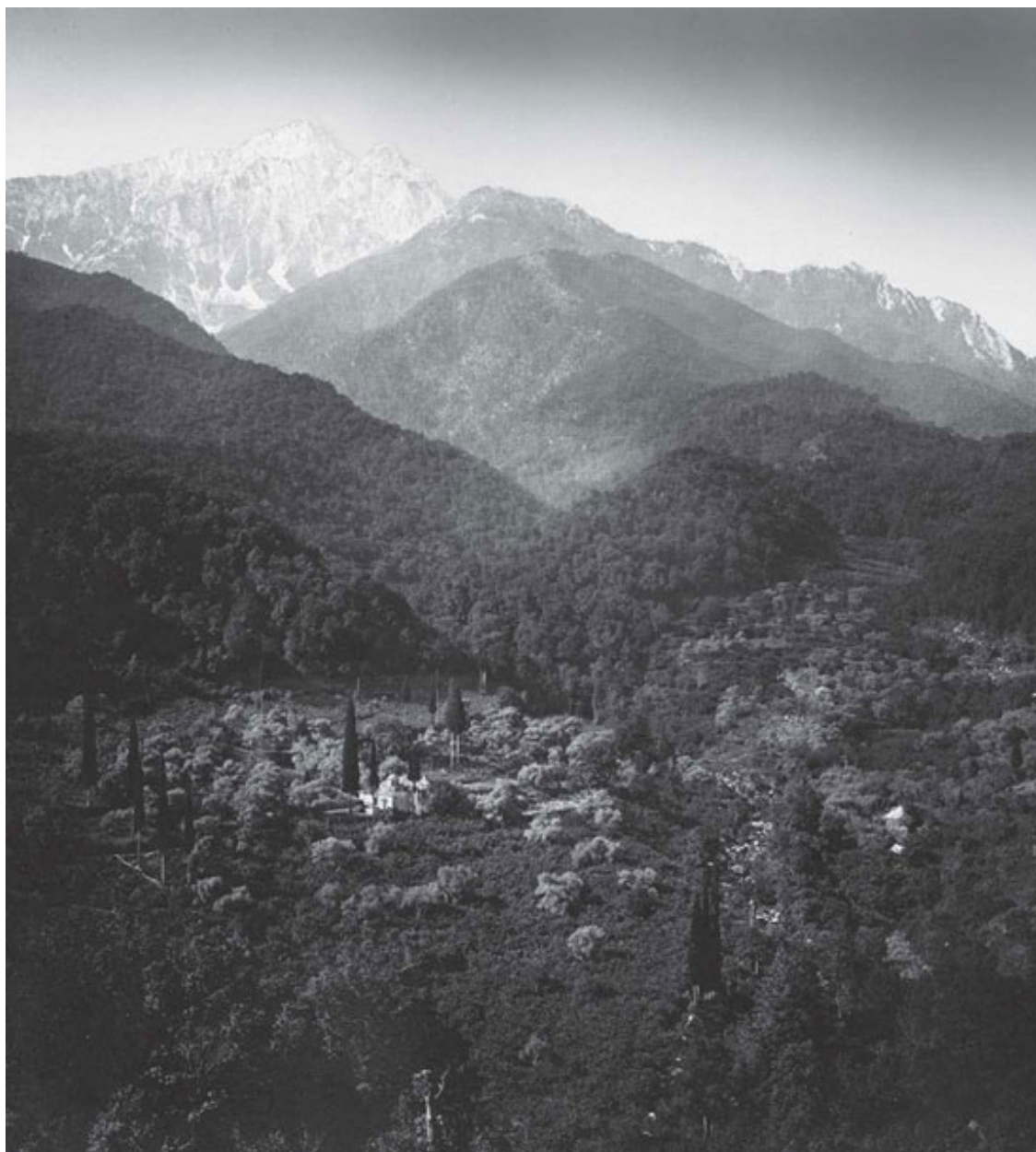
Этому-то и святый апостол Павел сказал, что глава Церкви – сам Христос, и Он хранитель тела, то есть Церкви. Также Он, Спаситель, дал Церкви Своей приставников, священный чин, которых поставил на это служение, на тайной вечери, когда Он Сам совершил Свою новозаветную Литургию и приносил новоблагодатную молитву, Тело и Кровь

Свою под видом хлеба и вина, быв священник по чину Мельхиседекову. Он изрек апостолам: “Примите и ядите – сие есть Тело Мое, за вы ломимое; и пейте вси – сие есть Кровь Моя, я же за вы и за многих изливаемая; сие творити в Мое воспоминание” (Лук. 22:19). Сими словами дал он священному чину силу и власть приносить эту жертву и преподавать другим, и творить сие в воспоминание Господа, то есть навсегда, до скончания мира, будет приносима жертва, и священный должен быть друг другу приимательно передаваем чрез хиротонию. А по воскресении своем Иисус Христос дунул и сказал апостолам: “Примите Дух Свят, им же отпустите грехи – отпустятся, а им же держите – держатся”. Здесь Спаситель препоручил и ключи от Царства Небесного и дал уже полную власть им. Он еще прежде страдания своего обещал их утешить и облечь властью, когда говорил им: “Аще любите Меня, заповеди Мои соблюдайте; и Аз умолю Отца, и иного утешителя даст вам, да будет с вами вовек Дух истины, Его же мир не может прияти, яко не видит Его, ниже знает Его, яко в вас пребывает и в вас будет”. Этими словами Спаситель обещал, что Дух Святой, который сойдет от Отца, облечет их силою, уполномочит властью и пребудет с ними вовек, то есть навсегда, до скончания века и до второго Господня пришествия.

По предсказанию Господа и сошел Дух Святой в день пятидесятый на святых апостолов, в огненных языках, и усовершенствовал их духовными дарами и властью, и силою, и действует чрез лица освященные и совершает все таинства церковные, и до скончания века действовать ими будет, по слову Господню: “Куплю дейте, дондеже возвращусь, во второе славное Свое пришествие, тогда уже потребую от всех отчет”. Вот вратари, ключники и приставники ко вратам Царствия Небесного! Только при их руководстве и единою дверью нам можно взойти в него; а другого отверстия нет, хотя вы и силитесь проломить.

Также без причастия Тела и Крови Христовой спастись невозможно, по слову Господа, ибо Он просто и ясно сказал: “Аще не снете Плоти Сына Человеческого, ни пиете Крови Его, живота не имате в себе” (Иоан 6:53) Ясно, паче солнца, что кто не причащается Тела и Крови Христовой, тот вечно погибший человек.

От явления во плоти самого Христа Спасителя и по сие время никто не вошел в Царствие Небесное, кроме Церкви Христовой, и никто не спасся без священства и таинств Тела и Крови Христовой. Самые святые, прославленные Церковью, по большей части были святители и священномученики, Патриархи и епископы, имевшие чин священства. А хотя и спаслись многие простые, но и те были истинные и верные чада Святой Христовы Соборной Церкви; не гнушались и не бегали от Церкви, от священства и от таинств Тела и Крови Христовой. Напротив, даже иные, как за Христа, такожде и за Церковь, проливали кровь свою. Святая Церковь не признала бы тех и святыми, которые чуждались Ее и святых таинств. А хотя некоторые из Великих пустынножителей и не имели при себе священников и не причащались Тела и Крови; но они не чуждались Церкви, не убегали от священства и не гнушались святыми таинствами; они только бежали от мира и его соблазнов, а духом всегда пребывали в Церкви, и некогда случалось быть близ церкви и священника, то стремились причаститься Святых Таин Тела и Крови Христовой. Такой пример явно показали святая Мария Египетская и Феоктиста, яже от Лезвы, и Петр Афонский, хотя и великую имели благодать Святого Духа. Мария уже по водам ходила, как по суху; но пришла из пустыни и причастилась от рук Зосимы, несмотря на то, что в монастыре некая ересь была, как и сама заметила Зосиме. Сие не было ей препятствием; но, принявши святое причастие, сама прочитала молитву: “Ныне отпускаеши рабу свою, по глаголу Твоему, с миром”, и проч..».

1. Святая Гора Афон. Вид на вершину и местность близ Морфино. Фотография 70#х гг. XIX в.

2. Русский Пантелеимонов монастырь. Фотография 70#х гг. XIX в.

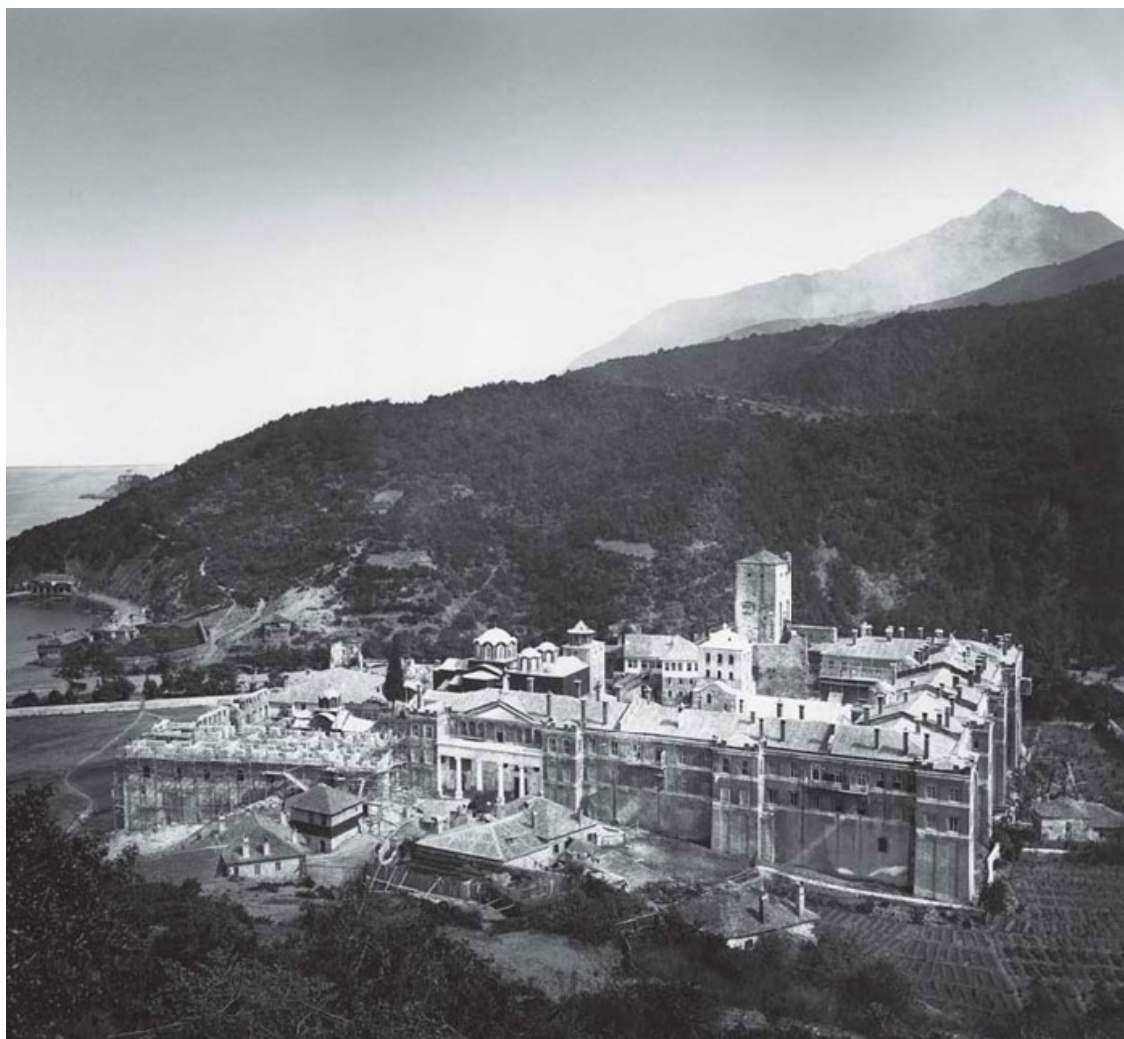
3. Собор в честь святого Пантелеимона и Покровский храм монастыря. Фотография конца XIX в.

4. Развалины нагорного Русика. Фотография 70#х гг. XIX в.

5. Возобновляющийся нагорный Русик. Фотография 70#х гг. XIX в.

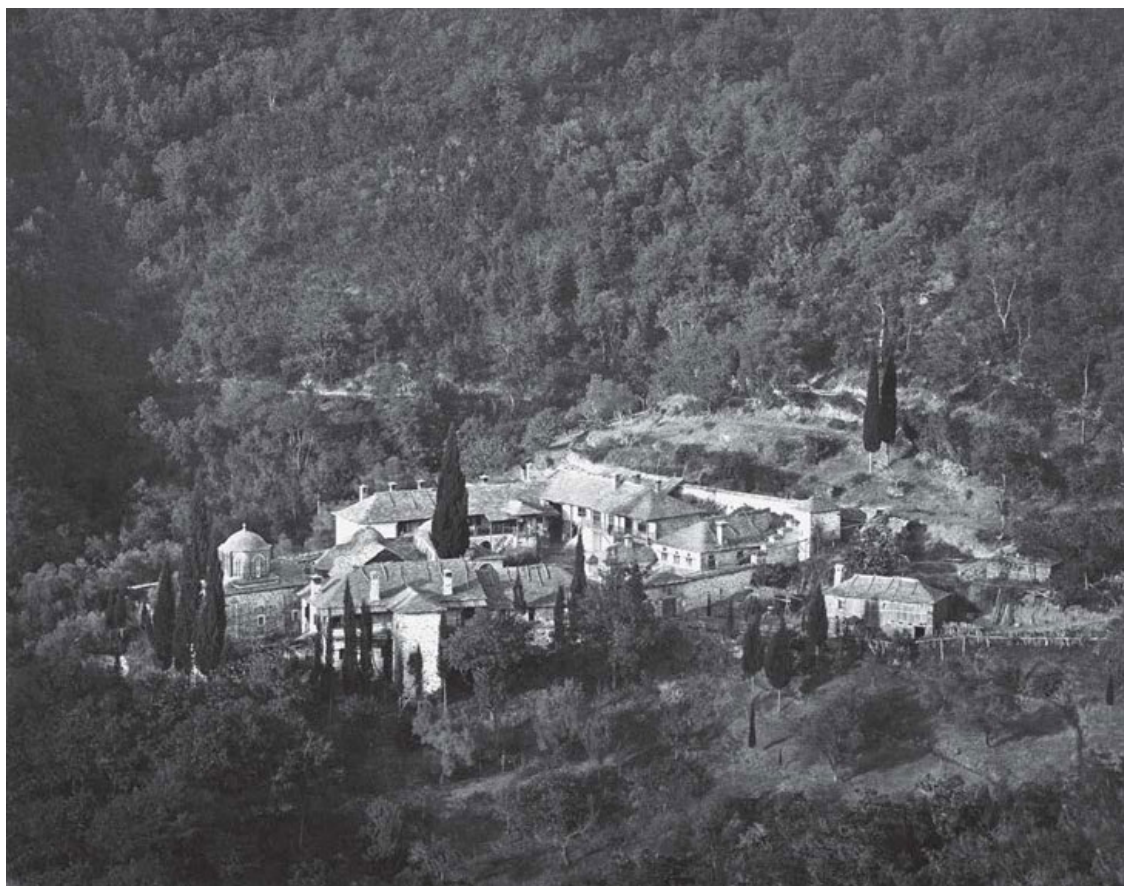
6. Иверский монастырь. Фотография 70#х гг. XIX в.

7. Монастырь Котлумуш. Фотография 70#х гг. XIX в.

8. Серай. Русский скит во имя святого апостола Андрея Первозванного. Фотография 70#х гг. XIX в.

9. Скит Богородицы Ксилургу. Фотография 70#х гг. XIX в.

10. Монастырь Эсфигмен. Фотография 70#х гг. XIX в.

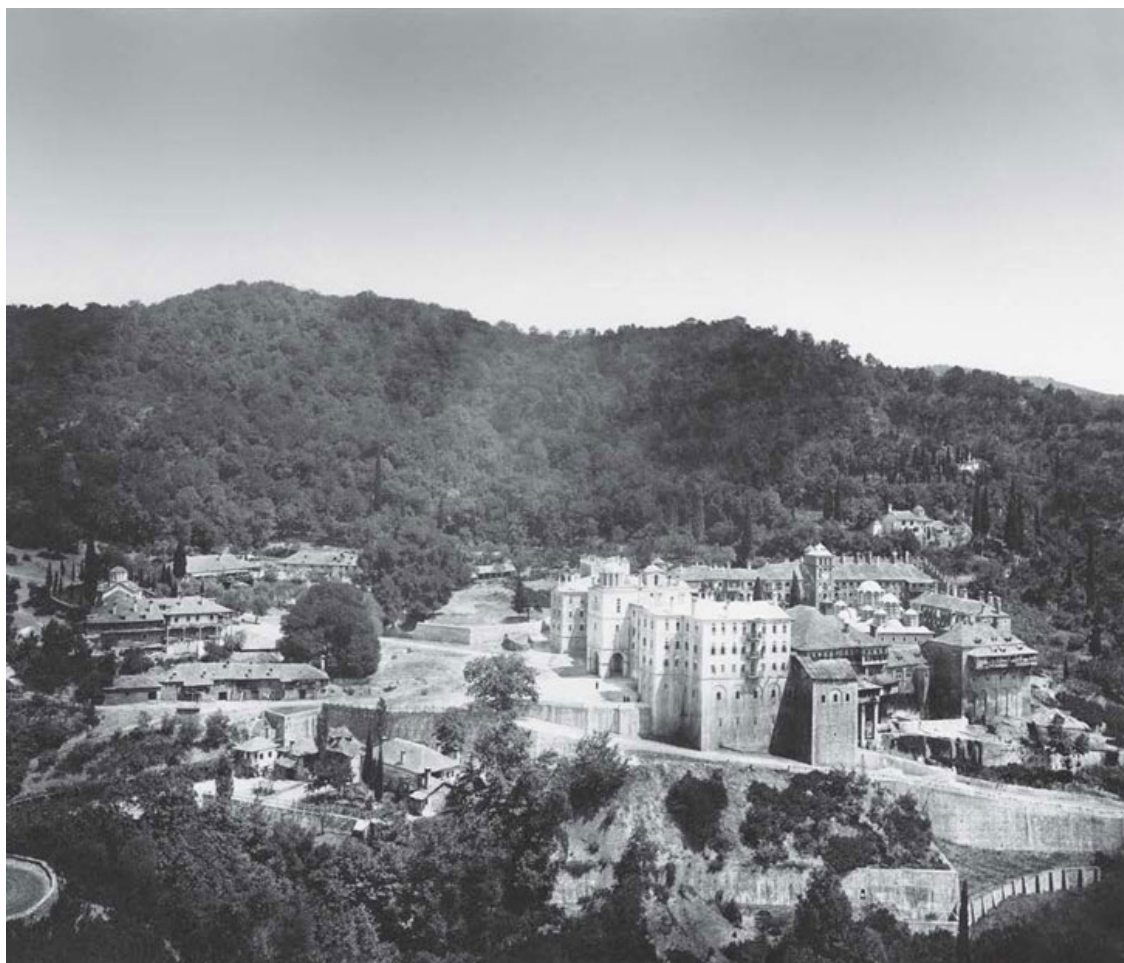
11. Вход и пирг Эсфигмена. Фотография 70#х гг. XIX в.

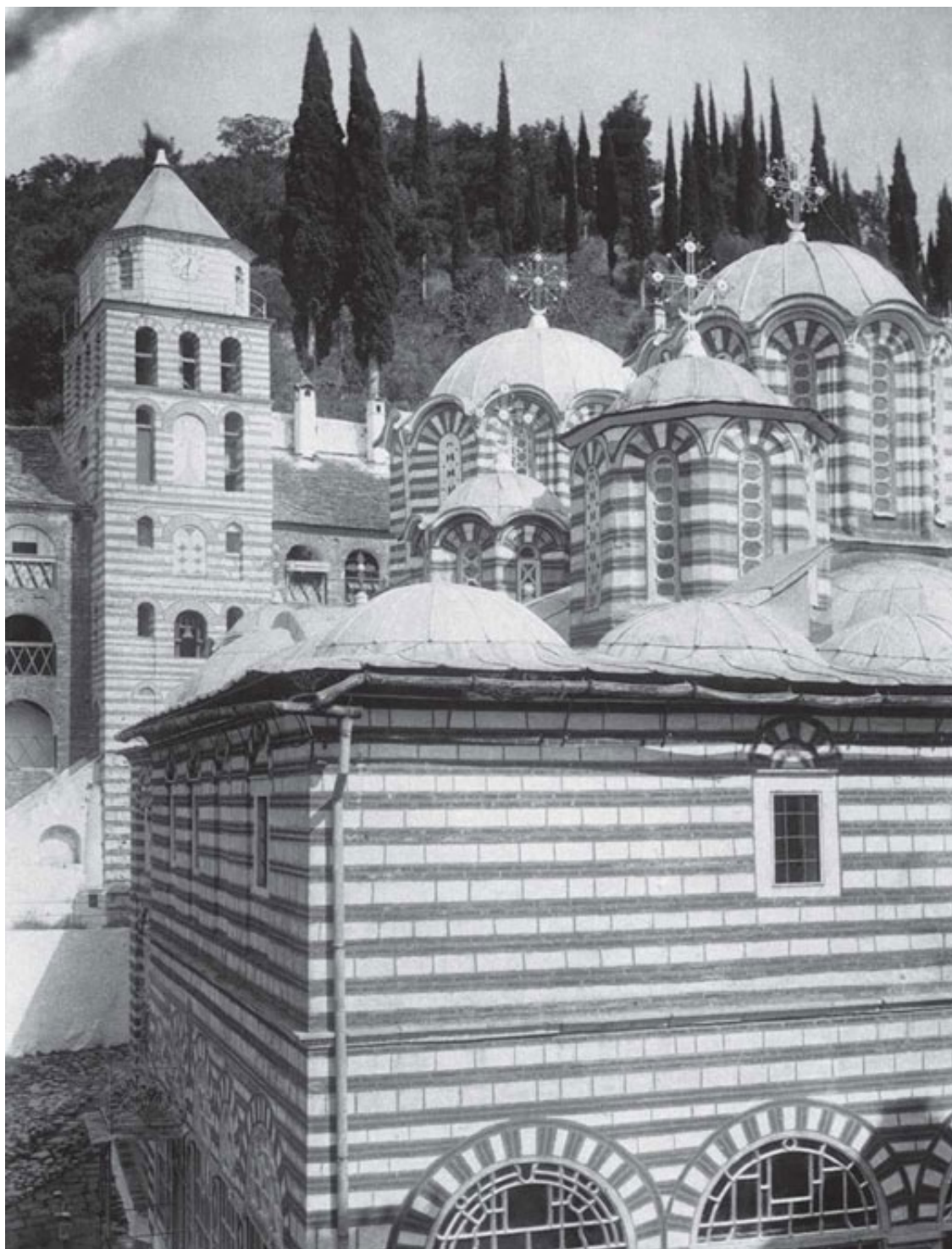
12. Монастырь Хиландар. Фотография 70#х гг. XIX в.

13. Хиландар. Вид на южную часть и собор. Фотография конца XIX в.

14. Монастырь Зограф. Фотография 70#х гг. XIX в.

15. Монастырь Зограф. Фотография конца XIX в.

16. Вид из Кареи на вершину Афона. Фотография 70#х гг. XIX в.

Беспоповец: «Это, конечно, так; во время полного благочестия без сих трех вещей: без Церкви, без священства и без причастия Тела и Крови Христовой – трудно и даже невозможно пробыть; поэтому мы и сами о себе приходим в сомнение; но надежду спасения полагаем в том только, что это все было написано во время полного благочестия. Когда же в 1666 году возобладали повсюду антихрист и настало царство его, тогда вся благодать взялась на небо, и мы остались не причем. А как в Писании сказано, что во время антихристового царства ни церквей, ни священства, ни Таин Тела и Крови Христовой не будет; то поэтому мы и живем уже, и живем не по правилам и не по Писанию, а только надеемся на одно Божие милосердие».

Ответ: «О, Боже мой! До какого безумия вы дошли, уже во глубину совершенного мрака низошли вы своими кривыми толками. Вы не только убежали из Христовой Церкви, оставив священный чин и ниспровергнув все святые таины, и идете против святых отцов, пастырей и учителей церковных; но и самое Божественное Евангелие ни во что вменяете, и самим Сыном Божиим, Господом Иисусом Христом, сказанные словеса ниспровергаете и не верите им. Этим самым вы уподобляетесь ариям. А ежели не так, то почему же вы не верите словесам Божиим, ибо вы ежедневно читаете Евангелие и всегда оглашает ваши уши повествование, как Господь непоколебимо утвердил на камени Церковь свою.

Ежели же, по Господню слову, врата ада Церковь не одолеют, то и антихрист одолеть не может Ее; и Она должна стоять до второго Христова пришествия.

Такожде подобно и священный чин утвердил Сам Господь. Препоручивши пастырям власть и силу свою, и ключи от Царствия Небесного, Он обещался их совершенствовать и облечь силою Духа Святого, который, по слову Господню, будет с ними вовек, стало быть, до скончания века. Такожде, давши им дары Духа Святого, повелел им куплю духовную деять, дондеже приидет, то есть когда придет во второе Свое пришествие судить живых и мертвых. А когда, по слову Господню, будут они, то есть лица священного чина, деять духовную куплю, сиречь, рукополагать, крестить, миром помазывать, исповедывать и грехи разрешать, и причащать Святыми Таинами, Телом и Кровию Христовою, до скончания века, до второго пришествия Христова, и Дух Святой с ними будет, то, стало быть, и антихрист не возможен их истребить и уничтожить. Егда возносился на небо Господь Иисус Христос, тогда дал в лице апостолов всему священному чину радостное обещание пребыть с ними до окончания века. Если же сам Господь будет со священным чином до скончания века, то уже антихрист и с самим сатаною-диаволом сделать ничего не может, ибо одного крестного знамения диавол трепещет, кольми паче самого Господа Бога.

Господь на Тайной вечери, когда преподавал апостолам, а в лице их и всему освященному чину, Тело и Кровь Свою под видом хлеба и вина, сказал: “Сие творите в Мое воспоминание”. Ежели по вышереченному, имя Господне будет поминаться до второго Христова пришествия, то и жертва сия бескровная, Тело и Кровь Христова, будет приноситься до второго Христова пришествия. И святой апостол Павел сказал, что жертва Христова бескровная, Тело и Кровь Христова, будет приноситься, дондеже приидет, сиречь, до второго Его пришествия. А когда, по вышесказанному, будет приноситься Тело и Кровь Христова до второго Христова пришествия, то и антихрист истребить это не может.

Как же вы говорите, что при антихристе ничего священного уже не будет? Не явно ли вы противитесь слову Божию и всему Божественному Евангелию? Не явные ли вы еретики? Поэтому и сказано в катихизисе большом, печатанном при Филарете патриархе:

“Вопрос: по чему познавать еретика? Ответ: аще кто не имеет истинного пристанища, рекше, святых Соборных Апостольских Христовых Церкви, вот тот самый и еретик”.

Еще вы криво толкуете, противоборствуя всему Святому Писанию и святым всем отцам, что якобы антихрист пришел 1666 года, и говорите, что он будет царствовать много сот лет. Царство антихристова святые отцы изочли годами, месяцами и днями. В одном месте сказано: три года с половиною; а в ином – 42 месяца; а в другом – 1265 дней; и где сказано 666²⁹, там число имени его, антихриста, а не лета, т. е., что в этом числе будет состоять имя антихристова. А вы толкуете совсем противно Святому Писанию.

Еще вы толкуете, якобы антихрист сядет в Церкви Христовой. Нет. Св. апостол Павел говорит, что не в Христовой Новоблагодатной, но в Божией Церкви, древней Иудейской.

Св. Кирилл Иерусалимский пишет тако об антихристе:

“Яко же сести в Церкви Божией; в которой убо Церкви? В раззоренной, – глаголет, – жидовской, а не в сей, в ней же мы ныне есмы”.

Св. Иоанн Дамаскин пишет об антихристе сице:

“Яко же ему сести в Церкви Божией, показующе себе, яко Бог есть; в Церкви же Божией глаголай, не в нашей, но в ветхой Иудейстей, – глаголет, – не к нам бо, но к Иудеом приидет, ни же за Христа, но на Христа; ея же ради вины и антихрист глаголется”.

И так по всему Писанию, с которой стороны не посмотреть, вам угрожает гибель, и вам спасения надежды нет».

²⁹ Ядом то же число написано буквенной цифирью.

Беспоповец: «Ох, брат, ты молодой человек, и язык твой острый, и много ты начитан, и память твоя велика. Конечно, так, что по Писанию нам пред Богом оправдаться трудно; но что будем делать, где возьмем Церковь и священство? Ибо и ваша Церковь, к которой ты принадлежишь, также не права пред Богом по Писанию, как и наша, ибо и ваша Церковь отнюдь не согласна со словом Божиим и с Евангелием. Отнюдь невозможно вам свою Церковь называть Соборною, Апостольскою и Христовою, ибо она не согласна со словом Божиим и учением Евангельским. Иисус Христос, как ты и сам упомянул, первых поставил в священный сан своих святых апостолов и им препоручил ключи от Царствия Небесного, и им придал таланты, чтобы куплю деять и все таинства церковные совершать; и с ними обещался быть до скончания века. Апостолы же препоручили свое достоинство епископам, которых они хиротонисали в сей сан и оставили после себя наследниками и преемниками. Через них-то благодать Святого Духа и изливается на всю Церковь, и они совершают таинства церковные. Но как у вас нет епископов, то и нет ничего: ни Церкви истинно Христовой, ни священства, от Христа преданного, ни таинств церковных; и вы так же пусты, как и мы, хотя вы и имеете Церковь, но это только одно название Церкви, а не существо, потому что истинная Церковь без епископа существовать не может. Священство ваше недостаточное: одни попы и диаконы. Как же может быть священник и диакон, не имевши епископа? Каждый младший происходит от старшего; если нет старшего, то младший от кого произойдет? Дети рождаются от отца, а ежели нет отца, то и детей нет. Так равно и ваши попы: ежели в Великороссийской Церкви благодати Святого Духа нет, то ваш поп от кого же ее получил? Скажи-ка ты мне. Ежели же в Великороссийской Церкви благодать Святого Духа, по Господню обещанию, будет и есть теперь, то она и истинная; а ваши попы все-таки пустые, потому что они от Греко-российской Церкви бежали; так же и от своего епископа отлучились без благословения и епископов своих проклинали и отреклись от них, а епископы их отлучили от Церкви. По правилам же святых отец, каждый священник, отлучившийся без благословения от своего епископа, под запрещением и проклятием находится. Теперь скажи-ка мне, чем ты свою Церковь оправдаешь и как она может назваться истинною и согласною слову Божию по Евангелию? Воистину, ты никак на можешь защитить того, что ни с чем не согласно».

Ответ: «Да, это для меня задача неудоборешимая и оружие обоюду острое, и я против того ничего не могу сказать, что епископ необходим для Церкви и для спасения человеческого. Но что буду делать, когда и у вас и у нас его нет? Видно, так и быть. Только скажу, что наша Церковь, хотя и не прямая дорога евангельская, и не согласна с словом Божиим, однако же и не прямым путем мы стремимся в ту сторону, куда показывает слово Божие. Но ваша секта беспоповщинская совсем идет против слова Божия и все то отвергает, что писано в Евангелии. Видно, уже мы один с другим не согласимся, а только будем иметь прение, которому и конца не будет, а мне пора идти в путь и искать себе пристанища. И так благодарю вас за хлеб, за соль и теплый ночлег – прощайте».

Когда я пошел вон, он сказал: «Иди, иди, брат, я надеюсь, что ты по своему разуму и памяти можешь найти правый путь в Царство Небесное».

И я отправился в путь, в город Новозыбков.

59. Этот начальник беспоповщинского монастыря, из московских купцов, человек умный, мужественный; от седины весь белый, как лебедь, и еще очень бодрый, и не монах, а просто мирской человек.

Пришедши в Зыбков, там стоят три церкви, все деревянные; одна от другой неподалеку, и все разных вер – одна единоверческая, другая ветковская, третья дяконовская; еди-

новерческая – всех меньше и хуже; оттуда – в Покровский монастырь³⁰ и Климову слободу; там тоже три церкви, и также трех вер. Из Покровского монастыря³¹ – в слободу Клинцы; там две церкви одной, Ветковской, секты. Тут близко в Никольский монастырь. Но во всех монастырях не имел себе тихого пристанища, ибо обманулся в своем намерении – не нашел того, чего желала душа моя, но совсем все напротив моего стремления; что уже писано в первой части моего «Странствия».

60. Но сердце мое еще более расстроилось в беспоповском монастыре от бесполезного прения, что мы заградили один другому уста, а истинной Церкви найти не могли; я положил обещание, чтобы больше о верах прения не иметь ни с кем. Потом много мне наговорили хорошего о Кержинских скитах и о тамошних непроходимых лесах. Через Брянск я прибыл в Москву, прямо на Рогожское кладбище. Походивши по Москве, отправился в Кержинские леса. Также много слышав про Саровскую пустынь, с товарищем вознамерился побывать в Сарове. Чрез Владимир и Муром прибыли в Саров. Когда начали подходить, сквозь лесу показалась каменная белая ограда и златоглавые церкви. Затрепетало мое сердце, как голубь, и слезы полились из глаз. Товарищ мой спросил: «Что ты переменялся в лице?» Я ответил: «Не знаю и сам, что со мною делается. Как увидел обитель – кипит сердце, да и только». Пришедши на гостиницу, нас приняли очень ласково; мы ходили в церковь ко всем службам. Что за правило, вся служба, напевы и чины общежительные приводили меня до восхищения. Видел старца Серафима, как он шел после ранней Литургии в свою келию; тысячи народа стояло от церкви до самой келии ряда в два; все желали принять от него благословение, но от множества народа нельзя было получить от него благословения, и только прикасались к его одежде; мы взошли уже в его сени, чтобы побеседовать с ним, потому что я духом уже был близок к Церкви. Но товарищ мой сказал: «Как же мы взойдем к нему – ведь нужно от него принять благословение?» Что же, как бы молотом ударило меня, и мы немедленно вышли. И так не сподобились получить благословения от старца Серафима. Но Бог, может быть, это сам отвел, потому что время еще не пришло обращению. Но дабы мне побольше всего показать, чтобы я искал Святую Церковь не в юном уме, но в мужском, совершенном. За то нам и не позволено испытывать неиспытанные судьбы Божие; вот показал нам немного Святой Церкви, да и опять сокрыл от очей наших, дабы мы после с великими трудами и старанием, и скорбями ее доискивались.

³⁰ Слово «монастырь» надписано сверху другим почерком.

³¹ Слово «монастыря» надписано сверху другим почерком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.